

Дарья Усвятова
КАЗАЧИЙ СПАС

Книга третья

Спаси и защити!

Воплощенное Слово

Моя духовная наставница Домна Федоровна Калитвина – донская казачка, происходящая из семьи казаков-характерников (так называют хранителей знания о Казачьем Спасе). Она привела меня на Путь Спаса, и шаг за шагом, посредством духовных практик, молитв и медитаций, посвящала меня в тайную традицию, существующую на Донской земле вот уже более пяти веков. О первых ступенях моего опыта в познании Спаса рассказывают две предыдущие книги: "Путь Спаса" и "Справный дом".

До сих пор мое повествование о Казачьем Спасе было во многом описательно: в первых книгах я рассказала вам об истории моего знакомства с семейством Калитвиных, начале обучения, поездках на Дон и житейских ситуациях, которые решались при помощи Спаса.

У тех, кто прочел "Путь Спаса" и "Справный дом", могло сложиться впечатление, что Казачий Спас состоит лишь из выполнения некоторых ритуалов и соблюдения неких правил. В этих книгах не было главного – объяснения сути Казачьего Спаса. Скажу честно, такой ход я сделала намеренно. Я хотела, чтобы у вас был выбор и вы, прочитав о моем личном опыте, спросили себя: нуждается ли вы в этом знании, притягивает ли вас Путь Спаса, чувствуете ли вы в душе свет Спаса? И если вы сейчас читаете эти строки, то ответ очевиден.

Дорогой мой читатель! Твое внимание и терпение очень скоро будет вознаграждено. Дело в том, что книга, которую ты держишь в руках, является ключом ко всей тайной традиции Казачьего Спаса.

До этого момента я нигде не касалась четкого определения, что же такое Казачий Спас, из каких ключевых понятий состоит это Знание.

Казачий Спас – это внимательность к пространству и владение Словом.

Как быть в каждый миг своей жизни внимательным ко всему, что тебя окружает, как научиться чувствовать ритм Космоса, как организовывать жизненное пространство вокруг себя – об этом вы читали в первых книгах. Также вы прикоснулись к знанию, каким образом можно пользоваться стихиями и усвоили основной закон мироздания – все во вселенной взаимосвязано и тесно переплетено при помощи невидимых глазу, тончайших, но вместе с тем очень крепких, нитей. Вы научились многим практикам, которые помогут вам (может быть, кому-то уже помогли) чутко воспринимать окружающий мир во всей полноте и правильно реагировать на складывающиеся обстоятельства.

Но второй составляющей Казачьего Спаса мы с вами еще не касались. А между тем это и есть то, без чего выполнение практик, ритуалов и медитаций будет мертво. Я говорю о владении Словом.

Вы уже заметили, что в первых двух книгах о Спасе есть множество молитв, заговоров, приговоров. Это совсем неслучайно: именно Слово одухотворяет традицию Спаса, вдыхает в нее жизнь, дает ей силу и необычайную мощь воздействия.

Слову творящему, Слову в ипостаси Логоса – воплощенного Господа и посвящена настоящая книга.

Овладение силой Слова начинается с молитвенного обращения к Всевышнему. Если вам приходилось когда-либо молиться, вы наверняка замечали, как становится на душе легко и ясно после прочтения одной или нескольких молитв. В страхе, в беде или обеспокоенности люди говорят с Господом на языке молитвы, и это всегда действенно, всегда эффективно. Молитва утешает, молитва вселяет надежду,

молитва облегчает понимание и примиряет. Но почему же сила молитвенного слова так велика? Вы никогда не задумывались над тем, зачем создано столько молитвенных текстов (существуют целые тома молитвенников)? Зачем читать и заучивать молитвы на каждый отдельный жизненный случай, если (как учит нас Церковь) Господь и так слышит любое наше слово? Мы часто молимся своими словами, но, даже будучи уверены, что Бог воспринял их, все равно присовокупляем к ним одну из известных нам канонических молитв, как бы подкрепляя наше обращение духовной силой текста, созданного святыми отцами.

В этом есть своя тайна. Молитва – это святое слово, которое всегда слышится не только Господом, но и вашим собственным сердцем. Это метод организации сознания и эмоционально-духовной сферы человеческого существа. Молитва – это мощнейший способ воздействия на окружающую среду, но не посредством насилия над средой (чем отличаются магические практики), а посредством общения с Духом, пронизывающим все окружающее нас пространство – людей, животных, растения, предметы. Но в первую очередь, молитвенное слово меняет нас самих, и в этом его особенная сила, ведь сказано: изменитесь сами, и вы измените мир.

Многие из вас уже испытали на себе силу молитвенного слова, и эта сила оправдана тем, что обращена она к горнему миру.

Но для знающего человека любое слово, произнесенное или написанное, так же значимо и действенно, как и молитва. Однако, чтобы придти к пониманию этого, надо всегда начинать с молитвы, с обращения к Богу.

Слово – материально, это один из сильнейших видов энергии, недаром Книга Книг открывается словами: Вначале было Слово...

Каждое наше слово сакрально в силу того, что оно рождается на границе миров: глубинного мира человека и мира внешнего. Оно – ваше послание Миру. Это Дух, обращенный в форму, воплощенный в звук. Словом можно убить или исцелить, вселить надежду или посеять страх, развеять сомнения или навсегда закрыть путь к восхождению. Мы пользуемся своими словами крайне неосторожно, и это приносит нам огромные проблемы.

А между тем, Слово – бесценный дар, которым распоряжаться надо с умом и с сердцем. Представьте себе, что некто имеет бриллиант, стоящий целое состояние. И этот некто продает его по цене пластмассовой безделушки. Не так ли и мы поступаем со своими Словами, каждое из которых стоит больше, чем бриллиант?

Наши слова для нас ничего не значат, поэтому нам и кажется, что Слово человеческое так маловесно, так малоценно.

Но значение его, его действие во вселенной не потеряны от того, что мы не осознаем всей важности сказанного Слова.

Получается, что у каждого из нас есть мощнейшее оружие, которое стреляет без разбору во все стороны.

Слово – любое – действенно. Механизм этого действия мы с вами рассмотрим и изучим. И если к концу книги у вас сложится понимание того, почему со словом надо обращаться бережно и аккуратно, я буду считать, что моя задача выполнена.

Человеческий язык бесконечно богат и прекрасен, как бесконечна Вселенная. Слова в нем существуют в разных ипостасях, о которых должен знать человек, идущий путем Казачьего Спаса. Об ипостасях Слова мы также будем говорить здесь.

Вы все знаете, что в той части традиционной медицины, что называется знахарством или ведовством, используется большое количество заговоров. В прежние времена заговоры были достоянием лишь небольшой группы людей, владеющих навыками ведовства и посвященных в "заветное слово" – так знахари называют заговор. В последние годы ситуация изменилась: в свет вышли многочисленные сборники заговоров на все случаи жизни, где опубликованы тексты, собранные в разных уголках нашей страны. Я ни в коем случае не хочу ставить под сомнение верность этих текстов: я просматривала большинство изданий и могу подтвердить, что все заговоры в них – подлинные.

Вы, наверное, тоже держали в руках подобные книги. Кто-то даже пытался воспользоваться некоторыми из заговоров, и я предскажу с высокой долей вероятности: применение заговора не возымело никакого действия. Если молитва помогает всегда, то заговор, как правило, оказывается не эффективен. Почему?

Во-первых, потому, что заговор – это особый язык группы посвященных людей. При помощи заговоров они общаются со стихийными силами природы, подчиняя их своей воле. Обычный человек, которому не передана знахарем сила заговора, никогда не сможет воспользоваться им. Заговор можно сравнить с сокровищем, которое заперто в сейфе с кодовым замком, и только тот возьмет сокровище, кто знает верный набор цифр. К овладению этим кодом ведут два пути: путь передачи традиции и путь самостоятельного изучения.

Посвященными людьми единственно верным признается первый путь, потому что ни один знахарь, ни один ведун не передаст свое знание тому, кто неспособен вынести эту ношу.

Однако многих привлекает сила заговора, и, не имея возможности получить посвящение, они идут по второму пути – идут, не подозревая, что, ступив на этот путь, они уподобляются неопытному альпинисту, забирающемуся на скалистую кручу без страховки и необходимого снаряжения.

Знание накладывает на человека обязательства помощи: знахарь обязан помогать другим людям, причем помогать бескорыстно и в любой момент, когда бы ближний к ним не обратился. Будьте честны сами с собой: вы готовы к этому?

Те же, кто использует заговоры в корыстных целях, как то: стяжать богатство, приворожить любимого человека, манипулировать людьми, - тем лучше было бы вообще никогда не приближаться к "заветному слову". Ибо заговор – это оружие. Имея оружие, вы можете ограбить банк, но тем самым вы поставите себя вне закона. Так и здесь: овладев силой заговора, вы добудете себе и богатство, и желанного партнера, но вы нарушите закон вселенной, а вселенная, в отличие от мирских властей, всегда найдет и покарает преступника.

Я подскажу вам, как можно самостоятельно изучить и применять несколько заговоров, но вы должны строго следовать моим рекомендациям.

Что же до опубликованных сборников заговоров, то я советую вам их почаще читать. Не удивляйтесь! Заговоры – это народная мудрость, выраженная в удивительно красивой, почти поэтической форме. Просто читайте их, как читаете стихи, былины, мифы. Вдумывайтесь в значение образов, имен, описываемых действий. Эта мысленная работа много даст вам и вы поймете, как и при каких обстоятельствах можно воспользоваться заговором.

Еще один вид сакральных слов каждый из нас использовал хотя бы несколько раз в жизни. (А люди, менее стесненные в манерах – так и почти каждый день). Я говорю о ненормативной лексике, или матерных выражениях. Немногие знают, что мат – это не бессмысленное грязное ругательство, а особый вид

заговора, более того – древнейший его вид. Недаром матерные слова называют "крепкими словечками". Как вы думаете, почему?

Кто из нас не ощущал, как сквозь нас словно проходит какая-то неприятная сила, когда мы слышим нецензурную брань? И чем она забористей и громче, тем сильнее эти ощущения? При этом мы снисходительно относимся, если выражения используют мужчины, занимающиеся тяжелым трудом – строители, сантехники и т.д., но нам так режет слух, когда матерятся женщины или дети. На это тоже есть свои причины, и в этой книге они описаны. Читая ее, вы узнаете, для чего существует матерная брань, как и когда ее можно применять. Но только самих матерных выражений вы здесь не найдете: во-первых, их можно услышать и в повседневной жизни, а во-вторых, сила их такова, что, будучи оформлены в печатный текст, они представляют собой опасность и для автора книги, и для ее читателя.

Кроме молитв, заговоров и ненормативной лексики, в языке существуют черные и благие слова. Эти слова, хотя действуют незаметно, но не менее сильно. Черное слово – это любое слово, сказанное из зависти, недоброжелательства, злобы. При этом совершенно не играет роли, сказано это слово, что называется, в сердцах, или намеренно: Вселенная слышит вибрацию, и ей неважны причины, по которым вы выпустили ее наружу. Кто из нас не проклинал кого угодно – правительство, начальство, недругов и друзей, супруга, родителей и даже собственных детей? Злость проходит, но слово, вызвавшее к жизни черную энергию, оставляет след надолго. Нам кажется, что это ерунда: поссорились – помирились, жизнь есть жизнь, невозможно прожить ее, не обругав кого-то и не пожелав ему зла. Но это совсем не ерунда, а очень опасная игра. Черные слова, проклятия, злопожелания – это ключи от двери, ведущей в мир зла, в мир, где живут нечистые духи, болезни и беды. Желая кому-либо недоброе, мы открываем эти двери и в наш мир устремляются потоки злой силы. Причем устремляются они в первую очередь к тому, кто ближе всего стоит к этой двери, то есть к тому, кто открыл им дорогу. Так что желающий зла страдает прежде всего сам, даже если он и не сразу замечает последствия своих слов. Действие недобрых слов вы наблюдали много раз, но либо не задумывались на том, что свалившаяся на вас неожиданно беда или проблема – результат ваших же слов, либо боялись связывать происходящее со сказанным. А зря: догадавшись один раз об этой связи, в следующий раз вы бы уже очень крепко подумали перед тем, как сказать злое.

Другая ипостась – слова благие, благословения и благопожелания. Это слова сердечного утешения, благословения и пожелания счастья и удачи – в том числе и те, что мы пишем на открытках или говорим людям, когда для того есть особый повод – день рождения или Новый год. У многих, кстати это вызывает определенные трудности. Вспомните, как часто вы мучались, не зная, что пожелать, и, кроме стандартного набора "здоровья – счастья в личной жизни", ничего не могли из себя вымучить? Это показывает, как скуден наш внутренний мир, как мы черствы и мелки в добре. Благо, если такие стандартные слова сказаны от души, но ведь зачастую мы бездумно пользуемся готовыми трафаретами: переписываем чужие стихотворные тексты из книг или берем их из Интернета. Но выдавать чужие слова за свои – то же самое, что пользоваться чужим бумажником. Это – добро за чужой счет, это жизнь "на халяву". Мы не понимаем, что, беря чужие слова, мы воруем сами у себя. Наши мысли, наши эмоции мельчают, иссыхают, атрофируются, и мы становимся роботами. Думайте об этом перед тем, как использовать чужое слово. А если вам все-таки приходится это делать, постарайтесь пережить его, чтобы оно стало вашим. Ведь даже актеры в театре, произнося чужой текст, переживают его, пропуская слова через себя. Именно по степени переживаемости этих слов мы и определяем, хорош актер или бездарен.

Однако основное, о чем мы с вами будем говорить в книге "Воплощенное слово" – это обычные слова, какими мы пользуемся в своих повседневных разговорах. Возможно, вы отнесетесь к написанному

ниже с недоверием, но в так называемом "обычном слове" и заключена главная сила воплощенного Логоса. Почему? Да потому, что молимся, заговариваем, бранимся, проклинаем или благословляем мы не каждый день, во всяком случае, не каждый час. А вот обычные слова льются из нас без меры, без счета, без какого-либо особого повода. Так мы ходим по земле, не замечая ее. Вот и эти слова – та самая земля, из которой вырастают плоды нашей жизни. Как вы удобрите эту землю? Будет ли это плодородный гумус, где можно вырастить прекрасный сад, или каменистый песчаник, на котором ничего не родится, кроме сухого, больного кустарника? Как настроите вы свою повседневную речь, так и пойдет ваша жизнь.

У нас очень популярны книги Луизы Хей, где даны положительные аффирмации-настроения на каждый день. Я знаю людей, которым эти аффирмации очень помогли в жизни. Книги Луизы Хей – удивительные, необыкновенные, в свое время они очень сильно повлияли и на мою жизнь. Но дело в том, что, заучивая чужие слова, мы подчиняем свою жизнь чужой программе. Пусть это будет очень хорошая, благоприятная программа, но она – не ваша. Ведь повседневная речь – это тоже аффирмации, причем гораздо более сильные, чем те, что находите вы в книгах по психологии. Начните работать над собственным языком, и вы увидите, как жизнь ваша изменится очень быстро. А я постараюсь показать вам, как надо работать над своей речью согласно традиции Казачьего Спаса. И тогда вы создадите для себя свои собственные аффирмации, и это будут не прочитанные в чужих книгах готовые программы, а слова, вырвавшиеся из пламени вашего сердца. Пусть даже автором этих слов будете не вы, но вы примете их вглубь и они прорастут в вашей жизни цветом радости, счастья и вселенской любви.

Те, кто читал первые две книги, помнят, что после каждой главы в них даются практические рекомендации – духовные практики либо физические упражнения. В этой книге вы не найдете ни того, ни другого. Они заменены молитвами и псалмами, которые в обязательном порядке надо прочитывать перед каждой последующей главой. Эти молитвенные обращения – своего рода мостик, переход, подготавливающий сознание к следующей ступени овладения Словом.

[1] Глава 1

[1] Славяне — словом владеющие

В сумраке высокий купол собора Вознесения Господня казался почти бесконечным, уходящим прямо в небо. Этой бесконечностью темное пространство храма точно давило сверху и изнутри, прижимало к каменному полу, распластывало по расписанным стенам. Несмотря на то, что время было предполуденным, стоящим на литургии казалось, что уже ночь. Дневной свет не лился в окна: небо, готовое в любой момент разродиться весенней грозой, с утра чернело и хмурилось; люстры в соборе во время Страстной Седмицы не зажигали, а горящие свечи, разбросанные по храму частыми островками золотого огня, лишь сильнее оттеняли давящий сверху мрак.

Хор уже трижды пропел:

— Вечери Твоя Тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими, не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник, исповедую Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем.

Скрестив на груди руки, я ждала своей очереди к Евхаристии сразу за Домной Федоровной, за мной — Алексей Петрович, за ним — Федор и Ирина. Молящиеся глухо, плотно, негромко пели причастную песнь "Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите". Я не пела, а лишь повторяла про себя

слова: простой напев в исполнении казаков был так строен, так ровен, так ритмичен, что мне хотелось молча раствориться в нем. Причащал только один священник, а причастников в Великий Четверг было много (что не удивительно: сегодня в Церкви вспоминали Тайную вечерю); перед нами в очереди к причастию стояло полхрама.

Внезапно мной овладело какое-то смутное волнение. Я глянула поверх голов и вдруг ясно увидела прозрачную золотую дымку, как бы повивающую толпу и тонкой струйкой уходящую вверх, в бесконечность купола (а может, спускающуюся оттуда?). В оцепенении я не заметила, как подошла моя очередь.

— Причащается раба Божья... — голос священника вывел меня из транса.

— Дарья...

Теплое вино с кусочком размякшей булки после суточного голодания показалось неожиданно сладким. Глоток кагора меня отрезвил совсем, и до конца службы я простояла в обычном своем состоянии.

После проповеди и целования Креста Домна Федоровна подошла к священнику освятить четверговую соль, а мы с остальными членами семейства Калитвиных вышли на улицу. Небо над византийскими куполами Новочеркасского храма Вознесения Господня вовсю гремело и время от времени прорезывалось тонкими молниями.

На Дону я гостила уже неделю: летом возможности приехать сюда не предвидится, и предпоследний месяц перед нашим с Володей отъездом я решила провести в обществе своей духовной наставницы и ее семейства. За те восемь месяцев, что я не была здесь, жизнь моя круто изменилась. Я оставила работу в Институте: Володя принял предложение от Дюссельдорфского Университета; нам пришлось почти полгода готовить документы на отъезд и решать связанные с этим проблемы. Ехали мы (предположительно) на два года, но это только по срокам его контракта, что будет дальше — ведомо одному лишь Господу. Уезжать из России мне очень не хотелось, но и отпустить мужа одного я не могла. К тому же, ему был нужен секретарь, а я довольно хорошо владею навыками печати на латинице. Едем мы в конце июня, и перед этим я решила навестить Домну Федоровну — когда еще свидимся?

Я приехала на хутор под конец Великого Поста, и несколько дней постилась и молилась вместе с хозяевами, которые, будучи глубоко верующими (как и положено людям, посвященным в Казачий Спас), исполняли все предписания, связанные с постом и молитвой. Такой строгий и размеренный образ жизни после месяцев городской суеты произвел на меня самое благоприятное действие. Я успокоилась, взгляд на жизнь стал кристально-ясным, и будущий отъезд уже не пугал меня.

Всю Страстную седмицу мы постились особенно рьяно, а начиная с утра среды не ели совсем и не пили ничего, кроме холодной колодезной воды. В четверг хозяйка встала посреди ночи, растворила квашню для пасхальных куличей, разбудила меня, и уже в пять утра мы со всем семейством Калитвиных выехали в Новочеркасск, чтобы поспеть в старинную столицу Дона к литургии Великого Четверга...

В массивных дверях собора показалась Домна Федоровна. Знахарка вышла, обернулась, степенно сотворила крестное знамение, поклонилась висящей над входом иконе Вознесения, повернулась и направилась к нам.

По дороге домой меня укачало, я прислонилась головой к окну и сама не заметила, как уснула. Во сне я снова вернулась в храм, где уже не было ни куполов, ни расписанных стен, а только необъятная труба сумрака, центр которого пронизывал рассеянный золотой луч. Я стояла внутри этого луча, сердце давило, душа разрывалась в безысходном отчаянии, мне хотелось плакать, но слез не было. Дальним колоколом откуда-то сверху звучали слова:

— О Жизнь вечная, как Ты умираешь?! О Свет невечерний, как Ты угасаешь?!

От этих слов мне становилось все горестней, все невыносимей, я хотела закричать "Хватит!" — но губы мои были словно зашиты, слова бились о них изнутри...

... "Газель" тряхнуло на кочке, я открыла глаза и с недоумением огляделась вокруг. Сидящая передо мной Домна Федоровна обернулась и обеспокоенно посмотрела на меня.

Мутит, доня?

Да нет вроде, — я с трудом отходила от видения.

Что-то ты белая совсем, — и уже Федору. — Сынок, останови, мы с Дарьей пешком пройдемся.

Тут только я заметила, что мы уже проехали маньчскую станицу и подъезжаем к хутору. Машина остановилась, мы с Домной Федоровной вышли и направились домой через степь. На свежем воздухе мне стало лучше, от сердца отлегло. Гроза, гремевшая сейчас в Новочеркасске, здесь уже прошла, и в степи лишь накрапывал мелкий освежающий дождик. "Потеет дождями донская весна..." — вспомнились мне слова песни.

— Ты что-то дивное видела, доня? — произнесла после долгого молчания знахарка.

— Да.

И я рассказала наставнице о своем видении в церкви и во сне. Она несколько раз кивнула головой, как будто ожидала услышать именно это. Однако объяснять мне ничего не стала.

День мы провели в заботах о доме и кухонных хлопотах: в Великий четверг моют и украшают жилище, а также пекут пасхальные куличи и красят яйца. Поздно вечером была баня: четверг Страстной седмицы называют еще и Чистым, все верующие обязаны омыться от грехов и подготовить себя к Воскресению Христову. После бани знахарка отправилась вместе со мной в дом-больницу.

— Посплю с тобой в одной хате, — только и сказала она.

Ночью, едва я уснула, меня вновь захватили видения. Я опять видела столб света в кромешной тьме и слышала слова, разобрать которые была не в силах. Смысл я понимала ясно, но звучание их настолько отличалось от всех знакомых мне языков, что я не могла уловить даже буквосочетаний, будто слова эти состояли из одних невнятных гласных. Столб виденного мной света был и столбом слышанных мной звуков; я находилась внутри, и чем громче становились звуки, чем ярче свет, тем больше я растворялась в этом светозвуковом потоке... я потеряла сознание, хотя видела и слышала все прекрасно. Наконец столб уплотнился, свернулся, вжался в меня, и я сама стала этим столбом. Мы (он во мне, а я в нем) содрогнулись, и меня пронизало:

— СЛОВО!

Я очнулась. И с удивлением обнаружила себя сидящей в кухне-гостиной за столом под Стодарником; рядом со мной сидела знахарка и держала меня за руку.

— Что происходит? — спросила я ее. — Я опять отравилась? Опять на смертной дорожке?

— На самой что ни есть жизненной, — улыбнулась наставница.

— Почему тогда я здесь, с вами? Я точно помню, что ложилась спать.

— Пришло время, — коротко ответила она.

— Время? — не поняла я. — Какое? Для чего?

— Время учить тебя Спасову Слову.

На Пасху в родовое гнездо Калитвиных съехались многочисленные родственники хуторян. После Воскресной литургии все пошли на кладбище, где царил оживление и светлая праздничная радость, так не

подходящая этому скорбному месту. Праздничный обед плавно перетек в ужин, снова полились над степью старинные песни, время от времени прерывавшиеся воодушевленным пасхальным песнопением:

[цитата]

Христос Воскресе из мертвых

Смертию смерть поправ

И сущим во гробех живот даровав

На небе, на земле ангелы поют

Чистому сердцу радость дают.

[конец цитаты]

В понедельник после обеда родня разъехалась.

Домна Федоровна отослала меня в дом и велела как следует выспаться. От чашки крепкого травного настоя я мгновенно погрузилась в глубокий, без сновидений, сон.

Проснувшись от чьего-то пристального взгляда. Открыв глаза, я увидела, что не лежу, а полусижу на кровати, опершись спиной на несколько высоких подушек. Передо мной на стене висел образ Спаса нерукотворного, перед ним горела крохотная лампада. Это был единственный источник света в комнате, погруженной в ночную тьму. Я оглянулась. В комнате, кроме меня, никого не было. Кто же смотрел? И смотрит (ощущение постороннего взгляда не исчезло, наоборот, стало даже сильнее). Я подняла глаза на образ и замерла: блестящие в свете лампады зрачки Христовых глаз вонзились в меня словно стрелы. Мне стало очень страшно, но ни закрыть глаза, ни пошевелиться я уже не могла. Не мигая, не отрываясь, я смотрела в глаза Господа, нет, не смотрела, а — показывала ему себя, свою душу, свое сердце, свои мысли, свое прошлое и будущее, происшедшее и не сбывшееся, тайное и явное... Клетка за клеткой, мысль за мыслью, чувство за чувством — я вся перетекала в глаза Спасителя, и каждую секунду мною владел необычайный ужас: так страшно, так невыносимо было обнажать покровы своей глубинной сущности, покровы, о существовании которых я не догадывалась... Это состояние длилось целую вечность, пока я не оказалась как бы внутри иконы и не увидела себя со стороны Христа: пустую оболочку тела, сидящую в неестественной позе на горе белоснежных подушек. Широко раскрытые глаза стеклянно уставились в стену, но света жизни не было в них.

"Кукла, — подумалось мне. — Мертвая кукла. Все мертвецы — это куклы. И мы хороним их в нарядных коробках. Вот и я умерла: Спас выдохнул из меня жизнь, которую сам когда-то вдохнул..."

Лишь произнесла я про себя это, как почувствовала, что так же, клетка за клеткой, мысль за мыслью, чувство за чувством — начинаю перетекать обратно в тело. Прежнего ужаса уже не было, как не было ни радости, ни вдохновения. Я чувствовала — ничего, это был какой-то абсолютный покой, вселенское безразличие. Зачем волноваться? Зачем тревожиться? Зачем суетиться, если в мироздании все соответствует всему и ВСЕГДА идет как надо?

Мироздание гармонично.

Гармония — это соответствие.

СоОТВЕТствие — это Ответ.

Ответ на Слово.

В полшестого ко мне пришла Домна Федоровна. Только поздоровались: ни она, ни я ни о чем друг друга не спрашивали, поняв друг друга с одного взгляда. Все утро мы просидели в ее келье-кабинете. Спокойно, мерно лилась речь знахарки:

— Многие думают, что Казачий Спас — это магия, колдовство. У нас тут тоже, и в Ростове, и в Новочеркасске — везде, где пытаются войско казачье создать, или группу какую, организацию, хотят еще и Спасом овладеть, чтобы, значит, выделяться как-то из обычных людей. Ну, а кто выделиться хочет, на того всегда обманщик найдется, который этому выделенцу нарасказывает, что уж он-то — знает. Наберет людей, в степь вывезет, и начнет им байки травить, а потом станут они шашками махать налево направо, только ковыль во все стороны летит! Намахаются, да еще оборутся, чтобы, значит, себя до возбуждения исступленного довести, потом и думают — Спас им явился. Встретишь такого исступленного — сразу прознаешь: грудь колесом, гордыня так и прет; чуть что не по нраву — рубить, пороть! Ну да Господь с ними, у каждого своя судьбинушка...

Я тебе про то затем рассказываю, чтобы ты ведала: знание Спасово так не приходит. Человек, Спасом осиянный, в гордыню ни в жизнь не впадет, и бить себя в грудь кулаками не станет. Сама ведь знаешь: Спасом жить — значит, прежде всего, внимательным быть. К миру-пространству, а пуще того — к людям. Другого слышать будешь, тогда и Спас тебя слышать будет. А какое тут слышание, когда гордыня глаза застилает?

Спас — то знание личное, от сердца к сердцу. Оравой его не возьмешь. Оно от учителя идет к ученику. Так цепочки образуются: тебе — я сказала, мне — бабка моя, ей — ее бабка. От бабушек к внукам у нас знание идет. А хлопцы от дедов получают. Так вот и есть: в каждой, значит, семье, где Спасом живут, две цепочки — казачья да бабья. В начале цепочки такой обязательно святой отец стоит или старица монашья. Вот у нас, у Калитвиных, была старица Анна, — от нее-то и перешел Казачий Спас к женщинам роду нашего. И я тебе ее знание передавать буду.

— Простите, Домна Федоровна, — улучила я момент, когда знахарка сделала паузу. — Почему "будете"? Разве я три года у вас обучаюсь, это не знание было?

— Знание. Все, доня, чему ты в этой жизни учишься, все знание. Но ты же сама понимаешь: в любом деле не сразу человек научается, постепенно идет, шаг за шагом, ступень за ступенью. Вот и ты — начальные ступени прошла вроде как. Слышать научилась. Думать. Воспринимать. Менять в себе мир свой внутренний, и вокруг себя обстановку в порядок божеский приводить. А сейчас пора настала тебе другого Спаса принять.

— Другого? Какого? А какой был до этого?

— До этого ты училась мирскому Спасу, тварному. Чтобы всякую, значит, тварь, видеть как Божье создание. Тепер же иное — Дух Спасов ты в себе открыть должна. А Дух Спасов — в Слове.

— В каком... Слове?

— В любом.

Я непонимающе нахмурила лоб.

— Ну, что брови супишь? — ласково спросила меня ведунья.

— Да нет, ничего... Все мне понятно, я и раньше это понимала, что есть такое особое Слово, которое от учителя к ученику. Я просто не понимаю — как это, любое?

— Вот и ты ту же ошибку делаешь, что все искатели магии-колдовства. Думаешь, я шепну тебе такое Слово заветное, и сразу все мочь станешь?

Я кивнула головой.

Знахарка тихо рассмеялась.

— Ежели бы, донечка, я тебе такое словцо и шепнула, все одно ты бы с ним не сладила. Потому как любым словом владеть не научилась.

— И все равно я не понимаю...

— А и не надо пока, — Домна Федоровна была ко мне снисходительна, как никогда. — Просто слушай, в себя вбирай. У тебя времени мало осталось, потому я рассказывать буду много тебе зараз. Придет время — зерно прорастет. Договорились?

Я опять кивнула.

— Тогда слушай. Когда человеки по земле расплодились, Господь народы из них разделил, раскрасил, чтобы стало на земле красиво и разнообразно. А еще дал он им речь словесную, какой сам владел и с какого Слова Мир этот сотворил. Дал, чтобы они сами с собой да с миром говорить могли, и понимать друг друга. Время прошло, языки разделились, Слово Божественное по ним разметалось, забыли народы про Слово творческое, для чего оно Богом дадено было... И стали такими разными, будто и не от Единого произошли. Господь гневаться не стал, рассудил так: коли дети Мои — Плоть моя и Дух Мой — Единство разделили, поделю и Я меж ними силу творческую. Чтобы каждому своя сила, свой талант, свое умение. Кому танцы с песнями, кому война, кому торговля. А одному народу Господь заповедал Слово свое хранить, оттого народ этот и прозвали — СЛОВянами, значит, Слово хранящими. А еще СЛАВянами, значит, Славящими Господа и Мир его. Вот мы с тобой, донечка, да и не только мы, все, кто в стране нашей живет, все славяне, все — хранители того Слова Божьего.

— Но, постойте, Домна Федоровна... — не выдержала я и перебила ее. — Разве в нашей стране только славяне живут? Да и чистых-то славян уже не встретишь. У вас у самой турецкие корни есть... и про себя я не уверена, что на сто процентов русская...

— Ты, чадушко, одно не разумеешь. Народ в Господе не кровью объединяется или разнится, а языком. В стране нашей на каком языке говорят?

— На русском.

— Это так называться он стал недавно совсем: что там — тысяча лет по сравнению с тем, сколько Мир существует! А раньше славянским так и звали, а в Церкви и до сих пор зовут. Все языки земные, что к славянскому корню относятся, все несут в себе зерно Слова Божьего. Так что и украинцы, и поляки, и сербы, и чехи со словаками — все они братья наши в Слове Господнем. А кто язык наш изучает из иноземцев, тоже к Тайне приобщается, только сам о том не ведает...

Знахарка встала, подошла к одному из сундуков и достала из него толстую книгу в старинной кожаной обложке.

— Азбука, — она вернулась и положила книгу на стол. — Здесь вся тайнопись языка славянского прописана. Кирилл да Мефодий великие святые были и в Слово Божье самим Господом посвященные. В каждую буквуку они Тайну его привнесли, потому за любым словом Тайна стоит. На, доня, читай.

— Что именно читать? На какой странице?

— Сразу читай. Где алфавит.

Я открыла тисненую обложку; в комнате запахло табаком и лавандой.

— Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живи, земля, иже, как, люди, мыслите, наш, Он, покой, рцы, слово, твердо, указ, ферг, херь, чрево.

Закончила, взглянула на знахарку. Лицо ее лучилось чистым светом, словно я прочитала ей не порядок букв алфавита, а какую-то чудесную поэму. Я выжидательно посмотрела на нее.

— Ну? — спросила она.

— Что? — не поняла я.

— Что — что? Или ты бездумно читала, абы прочесть?

— А как надо было?

— Охохонюшки... Доня, давай-ка сначала прочитай. Или нет — я тебе прочту, а ты только слушай.

Аз буки веде, глаголь добро есть. Живи, земля, иже как люди мыслите: наш Он покой. Рцы Слово твердо указ: ферт херь чрево.

Ну? — снова спросила она меня.

— Пойдите... это как... фраза какая-то. И даже смысл ясен кое-где: Живи, земля... Наш Он Покой... Только как-то вместе все не связать. И слова непонятные: ферт, херь...

— Ферт — это основа мира, земная ось. Херь — крестить, знамение крестное.

— Да ну? Вот уж не думала... звучит-то так... не очень.

— Оттого и не очень, что славяне Знание свое позабыли... До этого дойдем еще. Главное, что понять тебе надобно: каждая буква это не просто звук, как в той же латинице, а слово, смыслом наполненное. Сейчас фразу эту переведу я тебе на понятный язык. Значит она вот что: Я Букву (то есть, Слово начертанное) ведаю. Глаголь (говори и делай) добро — есть (ты есть и будешь), живи земля (земля тебе жить даст), и как люди (Люди — которые помнят, что они дети Божьи) мыслите: наш Он покой — реченное Слово твердо указывает ось мира, крестящую чрево.

— Здорово... Он — это Господь, и Он же — реченное Слово?

— Верно.

— А что значит — указывает ось мира, крестящую чрево?

— Значит, что Слово и есть ось этого мира, крест этого мира, который чрево — тело наше земное — крестит и спасает. Видишь теперь: алфавит — не просто буквенный список, а для Мира целая заповедь. Да и какая заповедь! Вот так и все-все слова можно к смыслу изначальному привести. Даже не самославянские, даже те, что из других языков к нам перекочевали. Знаешь, что имя твое значить будет, ежели так его по буквам разобрать?

Я стала напряженно соображать.

— Не трудись, не трудись, побереги мозгу, — остановила меня Домна Федоровна. — Вместе сейчас разберем. Дарья ты у нас, корень имени твоего — Дар. Добро аз реку. Видишь как хорошо-то вышло.

— А ваше имя? Корень — Дом, значит, Добро Она Мыслит?

— Верно. Видишь, как смысл-то потаенный в словах читать можно?

— Вижу.

— Есть и другие в словах да в именах смыслы. Но мы в то вдаваться не будем: много книжек ученых про это написано, коли понадобится тебе, сама найдешь. А на сегодня хватит пока. Сейчас вот молитву спиши да повтори ее сегодня в полдень сорок раз и на закате тоже сорок раз.

— Что за молитва?

— Молитва, тропарь и величание святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, отцам языка славянского. Молиться им непременно надо, коли в Слово вникнуть хочешь. Да читай не просто так, а с думкой и усердием: ты благословения испрашиваешь и их покровительства небесного.

[цитата]

[3] *Молитва святым равноапостольным Кириллу и Мефодию.*

О, всехвальнии равноапостоли Мефодие и Кирилле, усердно молим вы: воззрите милостивно на нас, ихже трудом вашим просветили есте, и оградите нас неусыпным предстательством вашим от злых козней вражиих! Призрите убо на виноград сей, егоже насадили есте, и не предайте дивему веprю озобати его. Сохраните, святи угодники Божии, Церковь нашу Православную, юже вы наздали есте на краеугольном Камене, Христе, яко да будет недвижима, но да разсыпятся о камень сей волны всякого малOVERия. Укрепите пастырей наших во всех добродетелях и в подвизе проповедания, вразумите же пасомых, во еже послушати гласа их. Сохраните вся страны словенския от всякаго оскудения, от огня и меча, от смертоносных язвы и от всякаго зла. Услышите и всякаго человека, с верою к вам приходящаго и благодатныя помощи вашае требующаго. В страшный же час смертный предстаните всем нам благии ходатаи и темных зраков демонских прогонители, да в мире и покаянии скончавшие земное поприще, достигнем вечных благ, наслаждения и купно с вами прославим Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Яко апостолом единомравнии и Словенских стран учителя, Кирилле и Мефодие Богомудрии, Владыку всех молитве, вся языки Словенския утвердители в Православии и единомыслии, умирители мир и спасти души наша.

Священную двоицу просветителей наших почтим, Божественных писаний преложением источник Богопознания нам источивших, из негоже даже до днесь неоскудно почерпающее, ублажаем вас, Кирилле и Мефодие, Престолу Вышняго предстоящих и тепле молящихся о душах наших.

Величаем вас, святи равноапостольнии Мефодие и Кирилле, вся Словенския страны ученьми своими просветившия и ко Христу приведшия. Аминь.

[конец цитаты]

Глава 2

Печать Логоса

— Доня, подлей, засвети канделю, — Домна Федоровна протянула мне темную бутылочку с лампадным маслом.

Я перекрестилась, встала на лавку, аккуратно, чтобы не задеть вазочку с вербными ветками, достала красный стаканчик лампы, влила масла, подтянула фитилек, произнесла одними губами «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь», зажгла огонек.

— И вербочку достань.

Я взяла вазу и осторожно спустилась.

Знахарка поставила вазу в центр стола, выхватила из пучка одну веточку, протянула мне:

— Вот. Твоя верба будет.

Я вопросительно посмотрела на нее.

— Сейчас водички в кружечку нальешь, веточку поставишь и будешь на нее каждое утро, перед тем как нам с тобой заниматься, наговаривать молитву обучательную:

[цитата]

Господи Боже и Создателю наш, образом Своим нас, людей, украсивший, избранных Твоих научивший Закону Твоему, так что внимающие ему дивятся, нам тайны премудрости открывший, Соломону и всем ищущим ее открой сердца, умы и уста рабов Твоих (имярек), чтобы уразуметь силу Закона Твоего и

успешно познать преподаваемое полезное учение для славы Пресвятого Имени Твоего, для пользы и устройства Святой Твоей Церкви и разумения благой и совершенной воли Твоей. Избавь их от всяких козней вражеских, сохрани их в вере Христовой и чистоте во все время жизни их, да будут крепки разумом и исполнением заповедей Твоих и так наученные, прославят Пресвятое Имя Твое и будут наследниками Царствия Твоего, ибо Ты, Бог, крепок милостию и благ крепостию и Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[конец цитаты]

— А почему именно на вербу наговаривать?

— Потом, потом, доня. Все в свое время.

Мы вышли из хаты. Весеннее солнце светило звонко и радостно, заметно припекая нос и щеки. Я подумала, что, пожалуй, успею до отъезда прилично загореть. Домна Федоровна привела меня на огород, где в теплицах уже всюю наливались румянцем ранние помидорчики. Со всех сторон неслись запахи сирени, жасмина и еще какого-то бурного цветения, гремели голоса невидимых в густой садовой зелени птиц.

Мы остановились у небольшой грядки с тремя влажными лунками. В двух из них не было ничего, в одной едва заметно пробивался молодой росток.

— Нут-ко, доня, копай, — знахарка указала мне на одну из пустых лунок.

Я, как обычно, ничего не поняла, но спрашивать, зачем это, не стала. Присела и стала осторожно раскапывать руками мягкую землю. Вырыла приличную ямку, однако ничего там не было.

— Погоди, погоди, будет уже.

Домна Федоровна наклонилась и осторожно стала перебирать горку земли, образовавшуюся рядом с лункой. Ловко извлекла из нее черное, совсем крохотное семечко; неудивительно, что я не заметила его!

Следующую лунку ведунья уже раскапывала сама. На глубине примерно пяти сантиметров в земле обнаружился беловатый червячок, облепленный с одного конца остатками шелухи. Я поняла, что это тоже семечко, только уже проросшее. Третью лунку раскапывать не стали: росток и так виднелся над землей. Я поняла, что наставница намеренно показала мне три стадии развития семени; неясно мне только было, для чего она сделала это.

До конца дня знахарка ничего мне не объясняла и вообще не затрагивала ни тему обучения, ни то, что произошло утром. Однако урок с семенем не шел у меня из головы. Я занималась хозяйством, ходила гулять в степь, заглянула на пасеку к Алексею Петровичу, где мы вместе с ним окуривали ульи, вечером помогала Ирине проверять тетрадки (жена Федора работала в станичной школе). Но образ трех лунок витал где-то позади сознания и время от времени вставал перед глазами. К концу я стала что-то понимать, хотя это что-то никак не могло оформиться в готовую мысль.

Перед сном, когда все домашние хлопоты-заботы были закончены, мы с Домной Федоровной вновь уединились в келье-кабинете.

После совместного прочтения молитвы она спросила меня:

— Ну, Дарья, и что ты об этом думаешь?

— Что-то думаю, но пока выразить не могу, — я чувствовала себя как-то растерянно.

— Я тебе пособлю. Вот так же, как это семечко, так действует и Слово...

И тут что-то произошло. Какая-то яркая вспышка на долю мгновения расколола мой дух. Я *поняла*.

— Слово, оно как семя, да? Падает в душу и сначала там незаметно, сливается с тем, что в душе есть уже? Растворяется в остальных словах и мыслях? А потом прорасти начинает? И вырастает, и плоды дает? — мной владел необычайный восторг, словно я сделала чудесное открытие.

Лицо знахарки лучилось удовлетворением.

— Чувешь?

— Чую! Такой простой и вместе с тем такой глубокий образ! Если бы вы мне словами это сказали, я бы долго еще не поняла ничего! А тут, так наглядно, так ясно!

— Стой, стой доня, охолонись. То не просто образ, думаешь, я тебе для красоты семечко показала?

Меня словно окатили холодной водой. Восторг прошел, я мгновенно успокоилась, поняв, что за этим кроется еще какой-то важный смысл, который мне надо усвоить. Я вся превратилась в слух.

— Слово оно и есть семя. Только семя не явленное, что пощупать можно. Это семя души твоей, оно в тебе вызревает и наружу прорывается, словно из колоса хлебного выпадает. Самым первым семенем Слово и было. И сейчас все в Мире подобием первосемени — Слова пропитано. В человеке оно тоже все есть, и в душе, и на уровне физиологии-тела. Когда семя в теле созревает, тело его наружу выбрасывает. А когда семя мужское и женское соединяются, получается плод — ребенок. И это тоже не образ, как ты говоришь, простой и глубокий, а естественный процесс жизни человеческой. Потому как тело материально, так и дух, душа материальны, так же и слово твердо, из материи состоит.

— Я понимаю! — подхватила я. — Из особой материи, да?

— Не перебивай! — прикрикнула на меня знахарка. — Материя едина во всей вселенной, но до этого мы дойдем с тобой еще, а сейчас — слушай, с пятого на десятое не сигай!

Я виновато замолчала.

— Как мироздание делится на низ и верх, так и тело человеческое делится тоже на две части. Середка его проходит через сердце духовное, то есть через солнечное сплетение. Внизу — земля,верху — небо. Земля рождает человека, небо рождает Слово животворящее. Органам низа соответствуют органы верха. Не буквально, конечно, а по подобию действия. Земля действует на уровне тела, небо — на уровне духа. Мочеполовой системе низаверху соответствует система голосообразующих органов. Так же как благодаря бурной работе гормонов образуется в половых железах семя, так иверху, благодаря дыханию, голосовым связкам, рту — образуется слово, рожденное от внутренней работы духа и души. Оттого у многих народов рот считается таким же священным отверстием, как и отверстия низа: извергающее — у мужчины и рождающее — у женщины. Вот почему во многих традициях женщина должна была по большей части молчать, разговаривать ей разрешалось только на женской половине дома или в специальных собраниях женщин. На востоке были места, где женщине пристойнее было обнажиться, чем публично улыбнуться, или, тем более, зевнуть. И это происходило от важности рта, уст, рождающих сокровенное Слово. А вовсе не оттого, что женщина рабыней была в плену у мужчины. Ты это знать должна.

Таким **побытом***, слово наше как семя, в душу попадает, оплодотворяет ее и плод возвращает. И как семя человеческое несет ген родительский, так и Слово несет ген души говорящего. У каждого слова — свой характер, своя судьба. Это только кажется, что слова одинаковы, и не суть, кто говорит их. Одно и то же слово, рожденное от разных людей, может и добро нести, и вред. Ежели тебе муж твой любимый скажет: «Какая ты красивая, Даша!» — то одно действие будет, от которого ты расцветешь и еще краше станешь, а если то же самое уронит подруга-завистница, от того у тебя вполне расстройство может случиться. Прыщик выскочит либо еще какая неприятность. Слова, они как и люди: вроде у всех человек все одинаково — две

руки, две ноги да голова, а поди ж ты, какие разные! Форма слова и содержание его вещи суть не одинаковые. На том вся дипломатия построена: встречаются посланники двух враждующих стран, а со стороны кажется, что встретились лучшие друзья, которые к тому же еще и давно друг дружку не видели. Оттого дипломатия — это искусство словообмана: так сказать надобно, чтобы другой не заметил, что ты на самом деле думаешь. А самому угадать надо, что тот, другой на уме держит. Кто лучше наблюдать да лукавить умеет, тот и выигрывает.

[примечание]

*Таким побытом (разг.) — таким образом.

Потому за словами надо уметь читать и слышать, что человек на самом деле тебе говорит из души своей. То наука долгая. Всю жизнь учиться будешь, и все равно останется скрытое. Даже святые отцы, что духовным зрением прямо в душу проникали, и те обманывались на слова лестные. Один Господь знает, что за словом твоим стоит...

Знахарка замолчала, переводя дух. По ее лицу было заметно, как трудно дается ей передача знания. Мне тоже было нелегко: я ощущала себя полной сжатого воздуха автомобильной шиной, которую продолжают накачивать и накачивать...

Чтобы не лопнуть от количества информации, я решила на вопрос:

— Тетя Домна, как же можно научиться читать за словами?

Наставница не рассердилась на меня, а напротив, как будто обрадовалась.

— Всегда смотри да слухай не что кажет человек, а как он кажет. В глаза гляди, в глазах много говорится всегда. Интонация голоса, как дышит. Что при этом делает, где руки держит. Наблюдай! Наблюдательность в себе разовьешь, и начнешь потихоньку слова истинные его слышать, что из глубин души рвутся и за покровом говоримого скрываются. А иногда слова истинные из глубины души наружу прорываются, когда совсем тесно им там становится. Знаешь ведь, как гуторют: слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Вот ты таких воробьев и подмечай, что помимо воли вылетают. Человек, может, и говорить не хотел, а думает про то всю дорогу, вот оно и сказывается. В этих словах — вся натура человеческая, помыслы его. У людей, на язык несдержанных, таких слов много проскакивает. Слова эти опасные, потому что они как зерно готовое: только и ждут, чтобы в почву упасть. Кто сердцем чист и душою добрый, от того человека слова хорошее действие произведут. А у кого сердце черное, тот — не представляешь себе, сколько зла в сердцах да умах сеет. Таких людей легко узнаешь: поговоришь с ними — и как будто нечистот нахлебался. Ладно, коли они твои враги открытые, а бывает ведь, что и слова-то они говорят пристойные, ласковые, а все одно, тяжесть от них на душе.

— Простите, Домна Федоровна! Так что же, кроме этих вырвавшихся, и нету больше истинных слов у людей? Что же они, все время врут, получается?

Домна Федоровна посмотрела на меня долго и пронзительно.

— Большая часть людей и большую часть времени. Брешут друг дружке, брешут детям своим, а самая беда, что сами себе брешут в мыслях своих. Редко встретишь человека честного, искреннего душой и независтливого.

— Независтливого? А зависть-то тут причем? Разве честный человек завидовать не может?

— Нет, доня, не может. Честный человек не завидует, а радуется, когда у другого все хорошо да ладно. Но никто ж тебе зависть свою не покажет! Сбрешет обязательно, и себе внутри сбрешет, что не

завидует. Скроет под другими мыслями: мол, ну и подумаешь, ну и не надо мне то, что другому дано. С зависти-то люди врать и научаются от молодых ногтей. Да еще родители с детства чад своих врать учат. Детское ж сердце — чистый лист, все воспринимает и слышит. Родители врут — дите чует. И сам в себе думает: ага, ежели матери да отцу можно, значит, и я так буду.

— Ну... получается, и я себя обманываю... и вы?

— Никто, доня, не свят, кроме как Господь один. Он только неправды не говорит. И тебе, и мне врать свойственно. Но как мы с тобой по Спасу живем, нам врать себе да людям невыгодно, ибо Мир для нас — Спас воплощенный, и внутри мы Спаса носим, а Спасу и захочешь — не соврешь. Потому честность человеческая начинается с Бога всегда. А путь к Богу один — молитва. Молитвою сердце очищается и душа наполняется, открывается сама себе и миру. Такая душа не лжет. И слова потому у нее все истинные. Ты таких людей тоже встречала: вроде говорят они все просто, все то же самое, что и остальные люди. Ан нет: остальных ты не слышишь либо не веришь им, а вот ему — веришь даже когда он тебе сказки речет.

— Как мастер Андрей... — вслух вспомнила я.

— Да. Отчего, ты думаешь, народ на поклонение старцам святым ходил и ходит? Неужели старцы те что-то особое кому говорят, то, что люди и без того не знают? Да обычные вещи говорят: не завидуй, не лги, не делай зла. Все это ни для кого не ново. Только слово, старцем реченное — Слово истинное, живое, в сердце созревшее, Христа приявшее. Оно и прорастает в душе человеческой источником света.

— А как стать честной, чтобы ложь не говорить и не думать?

— Только Спасом, доня, только Спасом. Для того и учу тебя. Спасом жить станешь, и слова у тебя внутри созревать будут правильные, хорошие, светлые. И скрывать их тебе уже не надо будет: чего скрывать, ежели ничего дурного нет в них? Слово твое животворным станет, и люди к тебе потянутся. Но это — сразу тебе скажу — испытание великое. Как люди слушать тебя начнут, так искушена будешь в гордыню впасть. А потому мысль свою беспрестанно через молитву пропускать надо, ибо слова от мыслей рождаются, мысль — это тоже семя. В твоей власти, будет ли это семя греха или семя благодати. Мысль — энергия сильная, опасная. Господь говорил: в мыслях не грешите. Потому что мысль слово рождает, а слово — уже творение, уже действие на мир тварный, материальный. Мысль — энергия духа, а слово — энергия материи. Слово материально, оно плотно как тело твое, как земля. Потому слово — звук, а звук — это вибрация. Все во вселенной состоит из вибраций: и звезды, и ветер, и дух, и тело. Высокие, низкие, а все подобны друг дружке составом своим. И ты не мни, что слово звук пустой. Даже когда сама с собою гуторишь, когда не слышит никто, слово твое не просто так в воздух падает, оно в вечность уходит, там записывается в книгу жизни твоей. По этой книге тебя Господь судить и будет. Вот и думай всегда, что речешь, чтобы в день Судный тебе за слова свои мучаться не пришлось.

— Может, поэтому у нас жизнь такая и есть несуразная, что слова бросаем во вселенную, а они там вибрируют и на жизнь влияют? — задумалась я.

— Еще как влияют! Просто незаметно это так-то явно. Слова — они ровно солнечный свет, в пространстве разлиты. Его и не пощупать, и не поймать, а все живое этим светом растет и питается. Опять же, силу солнечную ни с чем не сравнить, такая мощная она, и никак не применишь ее, когда она в таком растворенном состоянии существует. Но ежели ты поймаешь в зеркальце его, да на щепку сухую направишь — загорится щепка. Пуще того, в стекло увеличительное пучком лучи собираешь и уже не то, что щепку — лес подпалить можно. Вот так же и со словом. Сердце чистое — что зеркальце, свет отражает и направляет в иные сердца. А кто сердцем чист до пустоты абсолютной, до прозрачности, тот Словом владеет, точно

стекло увеличительное солнечными лучами. Слова, через такое сердце проходя, силу свою настоящую являют, во всей мощности Логоса воплощенного.

За окно упала ночь. Знахарка молчала уже довольно долго, но мне казалось, я все еще слышу ее слова. Сердце пронзала острая боль, словно кто-то направил в него пучок лучей, собранных через увеличительное стекло, о котором говорила Домна Федоровна. Я понимала, что так оно и есть и наставница использует какой-то особый прием, чтобы Знание запечатлелось в моем сердце навсегда, подобно тому, как отпечатался на плащанице Спас Нерукотворный.

Еще не встало солнце, как Домна Федоровна вывела меня во двор к колодцу, раздела, трижды облила холодной водой и всю, с ног до головы, обтерла длинным куском грубого холщового полотна. Затем мы вышли в сад, наставница завела меня под абрикос, поставила спиной вплотную к шершавому стволу и, обернув той же холстиной несколько раз вокруг живота, привязала к дереву.

— Дыши, — приказала она.

Я начала глубоко дышать животом, мысленно направляя вдох в солнечное сплетение. Вдох проходил через нос, а выдыхала я ртом, одновременно с глубоким животным стоном. Так вздохнула я не менее сотни раз, и только потом, вместе с наставницей, стон оформился в Слово.

— АМИНЬ, — стонала я.

— АМИНЬ, — вместе со мной выдыхала наставница.

Что-то начало происходить с окружающим миром. Он стал исчезать, растворяться (или это я растворялась в нем?). Впрочем, нет, границы своего тела я чувствовала очень хорошо, правда, было оно каким-то круглым и прозрачным, как стеклянная сфера. Внутри меня, о границы этой сферы, билось множество мыслей; они, как души нерожденных детей, стремились наружу, желая воплотиться в слова, и сила каждого из этих желаний была так велика, что, казалось, она, подобно атомной бомбе, может превратить в руины целый город. Мысли эти были разными, прекрасными и злыми, великими и ничтожными, спасительными и убийственными. Я никогда не подозревала, что знаю столь много, что презреваю так глубоко, не знала, как небесно высоки и ужасающе низменны мои мысли. Страх обуял меня: если все эти мысли вырвутся наружу, прорвут, разобьют эту ненадежную сферу моего человеческого существа, то я могу погубить целый мир... Или спасти? Ответа я не знала, казалось, добра и зла во мне ровно пополам, и то, и другое одинаково хотело воплотиться, и, что самое кошмарное — я чувствовала, что и доброе, и злое во мне равноценно и имеют одинаковое право быть воплощенными. Но что же сдерживало их, что не позволяло прорываться во внешний мир, что отводило беду разрушительного действия моих мыслей? Я посмотрела на себя как бы со стороны и увидела: крохотное пульсирующее красное отверстие, куда стремились все эти мысли, и отверстие это было запечатано силой, в миллиарды раз превосходящей силу всех моих мыслей, собранных воедино. Это слово и было Логосом, первозвуком, первотворением, через которое все начало быть. Слово было — «АМИНЬ», причем, звучало оно уже иным образом, оно отличалось от знакомого, по-домашнему теплого, пропахшему ладаном и просфорами церковного «Аминь» так же, как отличается икона от портрета, как свой дом от чужих жилищ, как Бог от человека... И тут я поняла: каждое слово, проходящее через Логос, напитывается силой Логоса, но только от меня зависит, какое слово я пропущу сквозь эту божественную печать, какое действие произведет оно в Мире. Чуть подумала я это, как нерожденные мысли мои замерли в ожидании и надежде. Я стояла перед сложнейшим в моей жизни выбором и поверить не могла, что раньше слова мои рождались бездумно, бессознательно, рождались и разлетались во вселенной, как тысячи джинов, выпущенных из тысяч волшебных ламп... Мне стало страшно от этого осознания и я подумала, что уж лучше было бы родиться мне немой... Однако Слово

должно было родиться, должен был пройти некий оформленный звук через печать Логоса, и пока не сделается это, я все так же буду стоять под этим абрикосом, ставшим для меня Древом Познания. Одинаково любя все свои мысли-слова, одинаково жалея их, словно своих детей, я не в силах была сделать выбор и решила все отдать на волю Его. Если Господь удостоил меня пройти через это, то он Сам знает, какое Слово сотворю я. И в тот же момент из глубин души моей вырвалось:

— ЛЮБЛЮ!

Стеклянные границы рухнули, души, получив воплощение, вырвались на Свет Божий, я вошла в Мир, а Мир вошел в меня и сознание мое погасло.

Очнулась я буквально через мгновение. Домна Федоровна уже успела развязать меня. Лицо ее сияло тихим радужным светом. Или нет — этот свет был разлит везде в пространстве, воздух был буквально заряжен им.

— Что происходит? — спросила я. — Почему здесь так... сильно?

— Это ты сотворила Словом своим, — ответила наставница.

— Это и есть та самая концентрация Слова, как в линзе?

— Она и есть.

— А что теперь будет с моими остальными словами? Они тоже так действовать будут?

— Так — не будут. Но ты сделала их стократ сильнее. Во что силу свою употребишь?

Она испытующее посмотрела на меня.

Я задумалась. Теперь, что бы я ни говорила, я будет говорить Слово. И ответственность за него будет лежать не только на мне, но и на той, что посвятила меня в Логос... Я с надеждой и трепетом взглянула на ведунью.

— Хорошо, что понимаешь, — произнесла она.

[цитата]

[3] **Псалом 44**

Отрыгну сердце мое слово благо, глаголю аз дела моя цареви: язык мой трость книжника скорописца. Красен добротою паче сынов человеческих, излился благодать во устнах Твоих, сего ради благослови тя Бог во век. Препояши меч Твой по бедре Твоей, Сильне. Красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости, и правды, и наставит Тя дивно десница Твоя. Стрелы Твоя изощрены, сильне, людие под Тобою падут в сердца враг царевых. Престол Твой, Боже, в век века: жезл правости, жезл Царствия Твоего. Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости, паче причастник Твоих. Смирна и стакти и кассиа от риз Твоих, от тяжестей слоновых, из нихже возвеселишиа Тя. Дщери царей в чести Твоей, предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена. Слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя, и дом отца Твоего. И возжелает Царь доброты Твоя: зане Той есть Господь Твой и поклониишия Ему. И дщи Тирова с дары, лицу Твоему помолятся богатии людстии. Вся слава Дщере Царевы внутрь, рясны златыми одеяна и преиспещрена. Приведутся Царю девы в след Ея, искренния ея приведутся Тебе. Приведутся в веселии и радовании, введутся в храм Царев. Вместо отец твоих быша сынове твои: поставиши я князи по всей земли. Помяну имя Твое во всяком роде и роде. Сего ради людие исповедятя Тебе в век и во век века.

1.1. [1]Глава 3

1.2. [1]Молитва — Слово Божие

Фомино воскресенье, или Красную горку казаки не празднуют так широко, так торжественно, как Светлое Христово Воскресение. Вот и Калитвины ограничились лишь тем, что сходили к заутрене в станичную церковь да пригласили на обед "самчона" Степана и еще нескольких родственников, живущих в станице.

Но все-таки это был большой праздник, а потому, проведив родню, весь оставшийся день Калитвины отдыхали. Я взяла из хозяйской библиотеки книгу и пошла в сад, где в "холодке" под яблонями качался на ветру никем еще не занятый гамак. Был четвертый час дня, небо затянула прозрачная белая дымка, солнечный свет сквозь нее струился мягко, вычерчивая темные силуэты листьев и крохотных, покрытых белесым пушком, только что завязавшихся яблочек.

"История войска Донского и старобытность начал казачества. Сочинение Василия Михайловича Пудадова. Новочеркасск, 1890 г." Я давно нацелилась на эту книгу: у нас в городе ее не достать; тем обиднее было, что в этот блаженный час чтение никак не шло на ум. Просто хотелось лежать и смотреть вверх, на светлую парчу неба с яблочными узорами. В таком расслабленном состоянии меня и застала Домна Федоровна. Мне стало неудобно: схватила букинистический раритет, но вместо того, чтобы читать, валяюсь, бездумно уставившись в небеса. Но она, увидев, что книга так и раскрыта на предисловии, спокойно сказала:

— Не идет книжка, так оставь, не мучайся. Значит, час для того неподходящий.

— Да вот, давно почитать хотела, а не заставить себя никак, — оправдывалась я, вставая с гамака.

— Ну и не заставляй. Когда душа к чтению не лежит, то и на ум книжка не ляжет.

— Да у меня сейчас на ум ничего не ляжет. Мыслей в голове никаких... Так хорошо, так блаженно, будто позади ничего не было, и впереди ничего нет.

— Это правильное состояние. Значит, сердце твое открыто и Спас с тобой говорить может.

— Спас? Говорить со мной? Но... каким образом? Так вот сам сойдет с небес и говорить начнет?

— Спас, доня, с небес не сходит. Он ис-ходит, из сердца твоего, и глубин души твоей.

— Да разве же там есть Спас?

— Только там и есть. А ежели его в сердце твоём нету, то и на небесах его не найдешь.

— И все-таки я не понимаю... Получается, для того чтобы Спас пришел, надо так вот лежать и ничего не думать? У меня такое бывало, не часто, правда, но я помню такие моменты. Однако Спас не приходил.

— А ты его звала?

— Нет... Как же я звать его могу, если не знаю, как его позвать можно?

— Очень просто, взять и позвать: Господи, мое сердце сейчас свободно, приди ко мне, поговори со мной.

Я недоверчиво посмотрела на нее. Вот так вот, просто — приди? Будто не Бога призываешь, а соседку на чай зовешь в выдавшуюся свободную минутку...

Наставница поняла мои мысли, тепло улыбнулась:

— Ну ежели для тебя это пока непонятно, то просто можешь молитву прочесть. Молитвою тоже Спаса позвать можно.

— А какой именно молитвою?

Знахарка задумалась.

— Проще да вернее сказать будет: какая к сердцу ближе. Но, — она поглядела мне прямо в душу, — ты ведь скорее всего и сама не знаешь, какая тебе ближе.

— Не знаю...

— Значит, будем учиться молитве.

Мы уселись в резной беседке, где над виноградным цветом вились пчелы и еще какая-то летающая насекомая мелочь. И опять душу начали прожигать слова знахарки, пропущенные через печать Логоса:

— Молитва, доня, не просто взывание к небесам да иконам, как многие думают. То такая же беседа, как и любой разговор человека с другим человеком. Человек — живое существо, и Спас — живое существо, Дух, который и есть сама Жизнь. Потому не просто надо ему в уши жужжать о своих проблемах да нуждах, а и у самого узнать — что Он-то думает о тебе, о жизни твоей, о том, как ведешь ты себя? Ты ж не забудь, что это мне или кому другому ты пожалиться можешь — и я тебя пожалею, и другой, — потому что ты со своей стороны беду расскажешь, а как оно было на самом деле, да почему произошло, большею частью утаишь. А Спас все ведает и в душе твоей читает ровно в книге открытой. Потому с ним надо быть честной всегда, честнее, чем сама ты с собой бываешь. Для того прежде молитвы всегда покаяние идет. Только каяться не значит бить себя в грудь да прибежаться: я такой-сякой разэдакий. Самоуничужение чрезмерное — та же гордыня, когда человек не достоинством, а грехами своими гордится, хвастается. Вот и батюшка наш Серафим на исповеди всегда строго-строго к таким хвастунам относится. Спасу не истерики твои нужны и не гордыня, а спокойное, трезвое покаяние. Иногда бывает, что покой в душе есть, когда с Богом говорить можешь, а покаяния нету в тебе, не чувствуешь ты — именно сейчас — никакой вины за собой.

— Да, у меня такое часто происходит. Вот и в Великий четверг на исповеди мне никак не стыдно было за все те грехи, которые священник перечислял.

— Это ничего, это не потому что ты такая бессовестная. Просто управлять сердцем своим человеку сложнее всего. Научись, не беда. Главное — чистоту в сердце хранить и честность. Нет вины, нет покаяния — так и скажи: Господи Спасе мой, сердце мое спокойно и чисто, прости прегрешения мои, о которых ты знаешь лучше меня, а прежде всего прости мне нечувствие мое. Вот после этого уже и можно молиться начинать.

— Своими словами молиться?

— Это ежели они есть у тебя, свои слова молитвенные. Но так редко бывает, и хорошо ведь, что редко.

— Отчего же хорошо, когда редко? — удивилась я.

— Оттого, доня, что слова молитвы — не те обычные, какими мы с тобой разговариваем. Молитва — слово, к Богу обращенное, а Ему надо говорить слова правильные, которые в глуби у тебя вызревают, как то зерно, до твоего сердца доходят. Потому если до тебя слова дойдут да душу возмутят, то и Спас их услышит. А такие слова рождаются не вдруг и не в каждый час жизни, когда ты готова с Господом беседовать. Такие слова вырываются, когда тошно тебе, беда у тебя, когда ты в опасности находишься, когда надежды ни на кого, кроме как на Спаса, у тебя уже не остается. Тогда душа тебе и подсказывает, с каким именно Словом ты обратиться к Нему должна. Еще слова из души вырываются в моменты счастья

безмерного... Такие моменты еще реже, чем беда, бывают. Да только мало кто в счастье про Бога вспоминает.

— Потому они так редки...

— Да. Ну, еще свои слова для Бога из сердца льются у тех, кто Спасом давно живет и в глубь Слова молитвенного проник. Немногие до того доходят.

— А вы? Вы уже пришли к этому состоянию? Вы уже можете со своими словами обращаться к Спасу?

Знахарка покачала головой.

— Нет, доня. Я, как и все остальные люди, только в горе да в радости могу с Ним говорить так же просто, как с тобой.

— Если вы не можете, то и у меня не получится никогда...

— С Богом как с человеком говорить — это, доня, высшее Спасом проникновение. К тому стремиться надобно, но не печалься, что не получается у тебя. То маяк твой, светильник, что Путь тебе освещает и показывает, куда идти надобно. Пока же учись молиться, как святые отцы заповедовали.

— Как?

— Молитвами каноническими, Словом, исторгнутым из груди старцев святых, что молитвы свои нам оставили.

— То есть, читать молитвы, которые в молитвенниках написаны?

— И их тоже. Только не сразу читай, осторожной будь.

— Осторожной? А чего стеречься-то?

— Все того же — непонимания и нечувствия. Много же есть молитв, на всякую беду да ко всякому святому. Ум неискушенный глянет и решит, что это вроде таблеточек — та от головы, а эта от живота. Хуже нет молитвой, как рецептом пользоваться. Такие Спаса только гневают.

— Почему же гневают, если молитва сотворена святым старцем?

— Оттого гневают, что старец святой в порыве чувства молитвенного, возвышенного те слова создал. А человек расчетливо пользуется. Так и в церковь мы ходим: тому свечку за то, тому за это... Получается, что в храме мы базар устраиваем и сами такие же торгующиеся, как те, кого Христос изгонял из дома Отца его.

— Но ведь люди в основном и молятся только потому, что им от Бога что-то надо.

— А потом удивляются, что Господь их не слышит. Или сделает так, как они просят, а выходит еще хуже, чем было у них до этого.

— Но что же им делать?

— На волю Божью уповать. Но я сейчас с тобой не про всех людей говорю, а про тебя. Мне Спасом не заповедано было всех людей учить Слову его. Ежели ты поймешь — через тебя и людям Знание принесено может быть.

— Хорошо, а мне что делать тогда?

— Тебе вот как раз и надо вникать в Слово Божие именно в те моменты, когда ничего тебе не надо от Него, когда душа твоя в соответствии находится со всем остальным миром. Тогда-то и начинай потихоньку в молитву вникать, ничего от Него не прося и не жалуясь. Ну, а какую молитву выбрать, то ты решить сама должна.

— Просто листать молитвенники и выбирать, что нравится?

— Молитвенники оставь пока. Молитвословом пользоваться еще уметь надо. Начни с Псалтири. Давид-песнопевец, псалмы сотворивший, не просто молитвы творил, он песни пел для Господа своего возлюбленного, песни любви, песни восторга, песни благодарности. Они и сотворены были в радости или в печали. Давид от Бога был псалмопевец, мастер, оттого творения его художеством были, Словом творческим, могущим сердца отмыкать. Через эти песни ты к пониманию придешь, в каком состоянии к Богу обращаться надо, какие Слова его достойны. Еще поймешь, что молитва — то стрела обоюдоострая, которая в двух направлениях летит: к Спасу и к сердцу твоему. На самом-то деле в одном, ибо Спас у тебя в сердце живет, в самых его глубинах, но то оставим пока. Только пойми одно сейчас: молитва — это ниточка от тебя к Спасу и от Спаса к тебе. Она как посох, который ты, сидя в яме глубокой и не имея возможности выбраться оттуда самостоятельно, протягиваешь Спасителю, чтобы он взялся за этот посох и поднял тебя со дна к Себе. Вот псалтирь для тебя таким посохом и станет. Будешь читать со спокойным умом и внимательным сердцем — сразу почувствуешь, как ниточка эта от тебя к Спасителю тянется.

Вечером наставница дала мне Псалтирь, усадила под Стодарником и велела вдумчиво читать первую кафисму. Сама ушла в гости к Федору и Ирине.

Я стала искать нужную страницу, листая высказывания святых отцов о Псалтири. Взгляд упал на строчку «Псалом и из каменного сердца источает слезы». Я тут же вспомнила родничок-аксай, текущий из белых камней в степи. С этим образом в сердце я и подошла к первой кафисме.

Я прочитала кафисму раз, и два, путаясь в малознакомых словах и не очень понимая, о чем это. Я читала очень внимательно и старалась быть честной с собой, но ниточка к Спасу никак не протягивалась. Я уже хотела начать читать и в третий раз, но тут вспомнила слова наставницы о том, что прежде чем обращаться к Спасу с молитвенным словом, надо принести Ему свое покаяние. Я закрыла глаза, глубоко вздохнула и попросила прощения у Него за свои прегрешения, а пуще всего за то, что мое каменное сердце никак не хочет под воздействием псалмов «источать слезы». Мне тут же стало легче: я честно призналась себе и Ему, что в сердце у меня — камень, и я не в силах управлять им. Я снова начала читать:

[цитата]

Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господне воля его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо насажденное при исходяще вод...

[конец цитаты]

В этот раз псалмы глубоко тронули меня, а слова, которые я не могла понять, звучали просто как музыка, как аккорд к основной мелодии, которую я слышала прекрасно. Я вдруг услышала за этими печатными буквами — Слово, которое изверглось из груди древнего псалмопевца. Глаза мои увлажнились, читать стало трудно, буквы расплывались, но они уже были неважны: я читала не физическим, а каким-то другим, внутренним, духовным взором. Первая упавшая слеза стала началом целого потока слез, и, когда Домна Федоровна вернулась ко мне, я сидела с полностью зареванным лицом.

Она сказала:

— Ну, вижу прочитала как надо. Давай теперь снова читать, только уже вдвоем.

Совместное прочтение восьми псалмов меня успокоило, я опять вернулась в прежнее состояние ясного спокойствия и осознания.

— То, что не все слова ты понимаешь, доня, не беда. Главное, ты уразумела, что за словами Слово стоит, — повторила она вслух мои мысли. — Теперь скажи мне, какие из этих слов — твои. С чего ты плакала, что тебя тронуло до самой глубины, то, что ты знала уже до этого, а тут в словах песенных нашла?

— «Господи, Господь мой, яко чудно Имя Твое по всей земли», — от этих слов к горлу опять подступил комок.

— Ну-ну... все, не плачь больше, — наставница улыбнулась так тепло, так участливо, что от сердца у меня мгновенно отлегло. — Видишь, как просто все. Вот ты и нашла свои слова, с которыми теперь ты будешь жить и звать Его, когда сердце твое будет готово принять Спаса, говорить с Ним. Очень хорошие слова ты выбрала: не только в спокойствии чистоты душевной можно их повторять, но и в горести, и в радости, а так же когда тебе так некогда, что ты про Спаса и не вспоминаешь. А такие моменты тебе предстоят еще, как на неметчине устраиваться будете. Попомнишь слово мое: всю науку Спасову вмиг забудешь, то одно, то другое, голова закрутится, сердце замолчит, насущными тревогами обремененное. Вот тогда-то и тверди про себя слова свои. Они тебе силу дадут испытания жизненные перенести и к Спасу вернуться, когда ты готова будешь.

— А как же остальные кафисмы?

— И остальные читай так же, с вниманием и сочувствием. Думай, выбирай отрывочки, что тебя в самое сердце разят. Таких отрывочков много-много заучить можно, и в каждый момент жизни тебе разные слова вспоминаться будут — те, которые для сейчас подходят больше всего.

Она закрыла Псалтирь, погладила рукой шершавую обложку, подвинула книгу ко мне.

— Это тебе в подарок от меня будет. С собою возьмешь.

Я молчала, пораженная: книга была очень старой, изданная еще в начале века, наверняка это семейная реликвия... Я хотела отказаться, но вовремя поняла: если наставница дарит книгу, то это неслучайно; с ней она как бы передает мне свое Знание, физически выраженное в этом драгоценном даре.

— Спасибо, — пронесла я через печать Логоса.

— Спаси тебя Господь, — улыбнулась наставница.

И сказала:

— А несколько есть псалмов, которые не по отрывкам, а полностью знать наизусть надобно. Псалом пятидесятый читай каждый день утром, как встанешь, и вечером, перед тем как заснуть. Это псалом очистительный. Утром он тебя от мечтаний ночных очистит, подготовит ум твой дела дневные исполнять с вниманием и смирением. А ночью ко сну подготовит, от забот дневных сердце отряхнет:

[цитата]

Помилуй, мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя. Яко беззакония моя аз знаю и грех мой предо мною есть выну. Тебе Единому согреших, и лукавая пред Тобою сотворих, яко да оправдишися во словесах Твоих и победиши, внегда судити Ти. Се бо, в беззаконих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Се бо, истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси. Окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся. Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренныя. Отврати лице Твое от грех моих, и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом Владычним утверди мя. Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся. Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения

моего, возрадуется язык мой правде Твоей. Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою. Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо, всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския. Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая, тогда возложат на олтарь Твой тельцы.

[конец цитаты]

Псалом девяностый читают в опасности, в страхе, в болезни, в неведении. Это сильная молитва, от любого обстояния спасает, особливо ежели ты через Логос ее пронесешь:

[цитата]

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряца, и беса полуденнаго. Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

[конец цитаты]

Домна Федоровна смолкла, закрыла руками лицо, отдыхая от духовного усилия, с которым она передавала мне Знание. За окном уже давно стемнело, и я подумала, что на сегодня учение закончено. Но она шумно выдохнула, отняла руки от лица и продолжила:

— Что тебе еще про Псалтирь знать надобно, так это то, что при гробе его читают. Это важное знание, потому что когда беда стрясается, и потеря душу гложет, и сердце плачет, и ум терзается, люди в ожесточение впадают, не зная, что делать им. Тяжко терять близких, тяжело, когда кто-то уходит от тебя к Нему. Даже тем, кто знает, что человек не просто в землю идет, а к Творцу своему душой устремляется, и тем тяжело. Чтобы испытание это пройти и не раскиснуть при виде смерти, а наоборот, укрепить дух свой, Псалтирь и нужен. Когда Псалтирь при покойнике читают, пространство вокруг меняется, круг мироздания становится цельным и замкнутым: вот — смерть, а рядом — жизнь. Тогда и ты, и люди вокруг тебя успокоятся и воспримут смерть не как меч Дамоклов, что висит над каждым из нас, а как конец Пути, который наступает только тогда, когда Господь решит призвать человека. Тебе не скоро еще придется это пережить, но более я тебе повторять не буду. Просто знай и помни. Еще обещай мне, что когда я умру, где бы ты ни была, вспомнишь меня, выберешь два часа свободных и прочтешь в память обо мне Псалтирь.

В горле сжало опять, я сглотнула.

— Обещаю.

— Вот и ладно. Ну, теперь давай про молитвословы поговорим. Есть у тебя дома молитвенник?

— Есть маленький, дорожный. Там всего несколько молитв, которые я и так знаю — «Отче наш», «Богородице» и другие, известные.

— Купи большой, где есть и дневные, и вечерние молитвы, и часы, и каноны, и акафисты. Их читать будешь не сразу, не каждый день, а именно во время, когда ум твой от всего свободен. И так же, как с Псалтирью, вникай в слова, выбирай строки, что тебе к сердцу лежат. Все здесь то же самое. Обрати внимание на слова покаянные. Эти слова хорошо к душе льнут, там все-все, что ты чувствуешь, выражено в слове молитвенном. Покаешься своими словами — а потом и молитву покаянную прочтешь. Так вот сердце твое от камня оживать и начнет...

[цитата]

[3]**Молитва покаянная, святого Макария Великого, читаемая перед отходом к сну**

Что Ти принесу, или что Ти воздам, великодаровитый Безсмертный Царю, щедрее и Человеколюбче Господи, яко лентяся мене на Твое угодение и ничтоже благо сотворша, привел еси на конец мимоседшаго дне сего, обращение и спасение души моей строя? Милостив ми буди грешному и обнаженному всякаго дела блага, возстави падшую мою душу, осквернившуюся в безмерных согрешениях, и отыми от мене весь помысл лукавый видимаго сего жития. Прости моя согрешения, едина Безгрешне, яже Ти согреших в сей день, ведением и неведением, словом, и делом, и помышлением, и всеми моими чувствами. Ты сам покрывая, сохрани мя от всякаго сопротивнаго обстояния Божественною Твоею властью, и неизреченным человеколюбием, и силою. Очисти, Господи, очисти множество грехов моих. Благоволи, Господи, избавити мя от сети лукаваго, и спаси страстную мою душу, и осени мя светом лица Твоего, егда приидеши во славе, и неосужденна ныне сном уснути сотвори, и без мечтания, несмущен помысл раба Твоего соблюди, и всю сатанину детель отжени от мене, и просвети ми разумныя очи сердечныя, да не усну в смерть. И послы ми ангела мирна, хранителя и наставника души и телу моему, да избавит мя от враг моих; да востав со одра моего, принесу Ти благодарственныя мольбы. Ей, Господи, услыши мя грешнаго и убогаго раба Твоего, изволением и совестью; даруй ми воставшу словесем Твоим поучитися, и уныние бесовское далече от мене отгнано быти сотвори Твоими ангелы; да благословлю имя Твое святое, и прославлю, и славлю Пречистую Богородицу Марию, Юже дал еси нам грешным заступление, и приими Сию молящуюся за ны; вем бо, яко подражает Твое человеколюбие, и молящися не престает. Тоя заступлением, и Честнаго Креста знаменем, и всех святых Твоих ради, убогую душу мою соблюди, Иисусе Христе Боже наш, яко Свят еси, и препрославлен во веки. Аминь.

[конец цитаты]

[1]Глава 4

[1]**Молитва Иисусова**

Обычно Домна Федоровна сама звала меня заниматься Учением, но сегодня я первая спросила ее:

— Тетя Домна, вы мне рассказали про Псалтирь и молитвослов, но у вас еще есть «Святцы хворобные» бабушки Оксиньи, из которых я молитвы выписывала от разных недугов; вы про эти «Святцы» мне не говорили ничего.

Знахарка отложила шитье:

— Думала, что не надо оно тебе. Но раз уж ты спросила, значит, должно рассказать. Святцы эти Оксиньей списаны были от отца Николая, священника храма нашего станичного. Еще до революции. Потом

пришли большевики, храм разорили, книжки пожгли, теперь только Оксиньин список и остался. На любую хворь там молитва есть к особому святому, который, значит, в хвори этой помогает. Я тебе давеча говорила: молитва как таблетка. Это вот «таблетки» такие духовные и есть. Читаемы они не самим больным, а кто-то ближний за больного молиться должен. Ежели уж совсем некому молитву прочесть (бывает так: заболеешь, а рядом никого), тогда и самому можно. Перед прочтением покаяние принести Спасу надо непременно: за душу нераскаявшуюся святые угодники молитвы возносить не будут.

— Домна Федоровна, — осторожно перебила я ее, — объясните мне, пожалуйста, я ведь человек не сильно воцерковленный, и не разбираюсь в иерархиях небесных: Господь, ангелы, святые... Разве Спаса одного недостаточно человеку, чтобы идти по Пути его?

— Кому-то, может, и достаточно. Тому же святому подвижнику, который Путь свой и жизнь свою в руки Его предал. А ни ты, ни я — не святые. Нам познать Спаса во всей славе Его пока не можно: душа мелковата у нас, сознание не вместит. Мы на Пути его словно дети малые, а детям разве дают пить из большой чаши, для человека возмужавшего назначенной? Нет, детям дают из маленьких кружечек, чтоб не захлебнулись они. Вот и люди так же на пути Христовом. У каждого своя мера Его. Но это не значит, что твой личный маленький Путь хуже, чем большой Путь монаха просветленного. Спасу важно сердце открытое, а там он уж сам наполнит его так, как надобно в этот самый момент жизни человеческой. Вот и святцы хворобные такое же наполнение. Отцы святые, к которым молитвы в хворях возносятся — то наши предки духовные. Они ближе к тебе стоят, их образ сердце твое легче воспримет, потому что они тоже людьми были, как и ты. Помолишься им, покровительства и благословения испросишь — и ко Христу дойдешь легче после их заступления. Ежели хочешь, можешь списать «Святцы». Оно в болезни бывает: тело так измучается, что и душа к Спасу ниточку протянуть никак не может. Вот тогда покаешься, угодникам помолишься — глядишь, и полегчает, и Спас к тебе сам придет благодаря молитвам отцов святых. А ежели не в скорбях, ни в болезнях, а просто в море житейском потеряешься или смущение душевное почувствуешь — тут Матушке нашей Пречистой Богородице Деве молиться нужно. Она — наш земной Господь, мать-земля духовная, Христа-Слово здесь, в Мире воплотившая, ей земные проблемы ближе всего доходят. Милостива она к людям, ровно ко всем детям своим, оттого не гневается, ежели ты по всякому поводу молиться к ней о помощи будешь. Никогда не откажет, всегда поймет и поможет. Образов Богородичных много в Церкви есть. Каждый образ от своей беды помогает. Когда себе образ выберешь, будешь ей в несчастьях молиться.

— А у вас какой образ?

— У нас, у Калитвиных, Донская Божия Матерь. Здесь, на Дону, этот образ многими почитается. И ты ей молись, как преемница моя духовная, покамест у тебя свой образ не появится. Молитвы Богородичные дюжа сильные, ты их тоже спиши да читай помаленьку. Может, через Слово и найдешь свою Богоматерь. Особливо о женских скорбях она молитвенница и заступница великая. Дом, семью, любовь сохраняет. Каждая женщина в себе Богородицу носит. Очень женщинам помогает ее икона «Утоли моя печали». Ты той иконе молитву выучи, тебе пригодится на чужбине.

— Хорошо... а какие еще молитвы и образа посоветуете?

— Тут я тебе, доня, не советчица. Всякому человеку своя Божья Матерь близка. Есть образа, которые в народе особо сильными считаются, в разных местах — разные. Где-то Казанская, где-то Владимирская, где-то «Скоропослушница», где-то «Милостивая, или семистрельная»... Но все хороши одинаково, это ж не разные Богородицы, а одна Матерь Божья, только в разных ипостасях, чтобы людям

легче было воспринимать образ Ее святой. Только посоветую, и даже не посоветую, а накажу — сон Пресвятой Богородицы списать и всегда при себе иметь.

— Сон Богородицы? Что это? Молитва?

— Оно и не молитва, и не приговор, а стих, вроде как история, случай из жития Божьей Матери. Скорбный, бедовый случай — как Божья Матерь сон увидала о судьбе Сына своего. В нем боль такая, читаешь — и сердце рвется. А как прочтешь, так на душе радостно-радостно становится. По действию стих этот с родами сравнить можно. Пока женщина рожает — мучается, кажется, помрет от боли. А родит — и боль вся куда-то делась, только свет в душе и жизнь новая. Сон Богородицы и в беде, и просто так, и на сон грядущий, и перед дитятем беспокойным читать можно.

— Ну, — спросила она, — теперь все тебе про молитвы ясно или еще какой вопрос остался?

— Нет вроде, вопросов нет... — ответила я растерянно. — А разве это и все, что знать мне надо о молитве?

— В том и дело, что не все. Но прежде чем к главному приступать, надобно все вопросы твои разрешить, чтобы ум боле ни на что не отвлекался.

— А что главное?

— Пока про сказанное думай да молитвы Богородичные списывай. К главному позову тебя особо.

Весь следующий день накрапывал дождик и я почти не выходила из дому, а сидела и переписывала "Святцы хворобные" бабушки Оксиньи. От этого занятия к вечеру у меня разболелась рука, да так сильно, что за ужином я не могла взять вилку: пальцы не слушались совсем. Я не хотела отвлекать хозяев от трапезы, поэтому ела левой рукой; с непривычки это получалось неловко и медленно. Но Домна Федоровна все равно заметила, спросила, что со мной. Я объяснила, поспешив заверить, что все не так страшно и к утру пройдет. Но знахарка вывела меня из-за стола, отвела к выходу, усадила на порог, взяла меня за больную руку, наклонилась к моему плечу и неслышно что-то прошептала. Боль сразу ушла, руку отпустило, так что больше я о ней и не вспомнила. После ужина я спросила ее, какую такую особо сильную молитву она прочитала над моей рукой. Ведунья ответила:

— Богородице Троеручице. Только эта молитва не "особая сильная", а такая же, как и все остальные молитвы. Ежели через слово Спасово пропускать, то любая молитва такой же сильной станет.

На закате она отправила меня в степь к родничку, чтобы я совершила утренний ритуал водохождения. Я немало удивилась: знахарка всегда подчеркивала, что этот ритуал надо делать на восходе, когда впереди еще весь день: ведь он так заряжает энергией, что, сделав его вечером, человек просто не заснет. Тем не менее, я проделала все, что сказала мне наставница и, вернувшись на хутор уже когда стемнело, я была просто переполнена силами.

Домна Федоровна ждала меня в хате-больнице. Она сидела за столом под Стодарником.

— Скажи мне, доня, как ты к Спасу с молитвой обычно обращаешься.

— Я не могу вам сказать про "обычно", потому что с тех пор, как вы начали учить меня Слову, я каждый день это делаю по-новому.

— Хорошо, скажи мне, как ты это делала давеча, когда по родничку ходила.

— Ну как... перебирала четки, ходила по камешкам туда-обратно, читала "Отче наш", посылая молитву в небо...

— Ты всегда в небо молитву посылаешь? — перебила она меня.

— Всегда, если иконы передо мной нет. А если есть, то к иконе.

— Вот теперь, доня, слушай, что я скажу. Небеса — хорошо, и иконы — хорошо, это все сердцу человеческого Бога представить помогает. Но все это — костыли духовные.

— Костыли?!

— Да, донечка, все это костыли. Не нравится тебе слово — ладно, пусть не костыли будут, а ходунки вроде тех, что младенцам устраивают, когда они ходить учатся. Мы на Пути Спасовом такие же дети, я тебе уже говорила про то. Потому и нужны нам эти ходунки: иконы, небеса, свечки, ладан. Но как ребенок вырасти стремится, так и нам надо расти, чтобы до Спаса дотянуться. Это все словно маячки, чтоб мы знали, в каком направлении идти. Когда Спаса в себе обретешь, тебе уже ничего такого не понадобится, в Духе жить будешь и сама Ему уподобишься. Сказано: Царствие Божие внутри вас.

— Но, — добавила она, — эта прекрасность, что сейчас в мозгу у тебя от моих слов сложилась, тебе доступна никогда не будет. Никто при жизни Царствия Небесного не стяжал кроме как святые подвижники. А ты человек мирской, и я человек мирской, оттого нам пока нужны и иконы, и небеса. Но все равно, молитву свою не им возносить нужно.

— А куда же, если не к иконам и не к небесам? — спросила я.

— Внутри себя, к иконе сердца твоего, к небесам твоим духовным. Ты это делала уже, когда в себя с молитвою погружалась. Но прежде мы двери подсознания твоего открывали, чтобы недуг душевный отыскать и на свет вытащить. А сейчас будешь учиться свет Божий в себе искать.

— Как?

— Молитвой Иисусовой.

— Да, — произнесла я с некоторой долей разочарования. — Я знаю. Это известная мистическая практика, про нее много пишут и говорят.

— И еще много будут, и писать, и говорить. Это действительно мистическая практика, пришедшая к нам от православного монашества скитного. Но доступна она не только монахам, мирские христиане тоже ее повторяют. И ты будешь. А то, что все знают ее и ничего тайного тут нет — ты не расстраивайся. Тайна, которую знает горсточка "посвященных" — это повод для гордыни. Истинная Тайна Христова на поверхности всегда лежит, и открыться может каждому, кто сердцем чист и честен. А кто ради состояний восторженных и чувствований дивных ту практику совершает — нипочем к Тайне не приблизится, ни на крошечку. Творить молитву сердечную, умную (как называли ее отцы-святители) надо не перед иконой, не перед небесами, а перед самим собой. Трудно это поначалу — образа Божия перед глазами не иметь. Но в том-то и суть, чтобы отойти от всех представлений человеческих о Нем и просто открыться внутрь себя и быть готовым воспринять все, что исторгнется оттуда, из глубин души твоей. А исторгнется многое, и не обязательно хорошее. Даже скажу тебе: хорошего мало внутри себя увидишь. Больше дурного найдешь, и ужаснешься — неужели ты это? Главное тут в отчаяние не впадать и дальше, глубже идти каждый раз. Иисусова молитва — практика неоднократная, ее надо постоянно читать, когда время свободное и сердце спокойное будет. И каждый раз заканчивать тогда, когда за слоем грязи и дурноты свет в себе обнаружишь. Так, свет к свету, и будешь душу свою очищать.

— И когда же мне начинать?

— Вот прямо сейчас и начнешь. На первый раз я с тобой рядом буду, чтобы ты не забоялась.

В кухне-гостиной царила крошечная тьма, освещаемая одной лишь лампадой, стоящей перед Стодарником. Я начала дышать так, как показала мне знахарка: глубоко и медленно вдыхая и выдыхая носом, погружаясь с каждым выдохом в "духовное сердце", то есть в солнечное сплетение. С началом выдоха я повторяла про себя "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную", затем, перед

вдохом делала небольшую остановку, вдыхала и снова повторяла молитву. Эту, несложную, на первый взгляд, практику, было очень трудно сделать правильно: сознание никак не могло успокоиться и сосредоточиться только на дыхании и молитве. Странное дело: когда то же самое я проделывала, концентрируясь на пламени горящей свечи и посылая с молитвою огонь внутрь себя, мне было гораздо легче, более того — в тот раз я моментально погрузилась в медитацию. А сейчас мы сидели в сплошной темноте (огонек лампы в углу перед иконами не в счет), глазам не за что было "зацепиться" и перед ними все время вставали почти явные картины прошлого или будущего. Я изрядно устала, борясь с этими образами, прошло уже довольно много времени, но наставница все не прерывала практику, и я продолжала дышать и молиться, безуспешно пытаюсь погрузиться в глубины духовного сердца. "А может, и нет у меня никаких глубин?" — мелькнула мысль. Измучившись совсем, я на время оставила Иисусову молитву и мысленно обратилась к Спасу с покаянием. После этого я уже не боролась с наплывающими образами, просто давала им проходить сквозь меня, несмотря на то, что они стали ярче, светлее и красочнее. Дыша и направляя внутрь Иисусову молитву, я словно смотрела телевизор. Я сама не заметила, как образы случившегося в прошлом сменились чем-то знакомым, но вместе с тем таким, чего я точно никогда не переживала. Более того — ничего подобного и быть не могло, настолько фантастичными и нереальными были встающие перед глазами картинки. Некоторые из них были отвратительны до такой степени, что меня буквально физически тошнило, некоторые — чисты, ясны и покойны, словно глоток криничной воды; а некоторые красивы такой невозможно сладкой красотой, что казались приторными до горечи и от них меня тошнило едва ли не больше, чем от кошмарных видений.

Я поняла, что это и есть те пласты внутренних глубин, о которых предупреждала меня наставница. Чтобы убедиться в своем предположении, я проследила духовным взором источник, откуда льются эти картины; как и ожидалось, все это шло из моего сердца. Домна Федоровна была права: дурного во мне оказалось гораздо больше, чем хорошего, правда, дурное это было как бы спрятано под благовидным покровом, словно завернутое в яркую конфетную обертку что-то горькое и несъедобное. Я разворачивала одну обертку за другой, доставала оттуда гадости, они вились вокруг меня как вылупившиеся змееныши; гора их росла, вот уже я сама себя не видела под их маленькими скользкими телами, от меня осталось только дыхание и молитва Иисусова. "Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную" — тяжело дышала я, погружаясь в бездонную яму, полную змеенышей (или это гора их росла над моей головой, все больше и больше погребая меня?)

Дыхание мое стало прерывистым и частым, я уже не успевала произнести целую молитву на выдохе, теперь на вдох и выдох у меня получалось по слову. Одновременно меня с бешеной скоростью уносило в темную воронку, сердце обрушивалось и несло в пропасть, словно летел под откос скорый поезд, сошедший с рельсов на полном ходу. Я уже решила, что от этого нечеловеческого напряжения оторвется в сердце какой-нибудь сосуд, и я, как терпящий крушение поезд, упаду под откос жизни... Но тут падение начало замедляться, и вот я уже не падаю, а лечу, и уже не лечу, а парю над пропастью, нет — над ущельем, где-то в глубине которого брезжит туманный свет. Я глянула вниз; свет приближался, захватывая меня в свое сияние. Он становился все ярче и ярче и, наконец, стал таким сильным, таким всепроницающим и всепоглощающим, что пронизал и поглотил не только мое тело, но и мысли и чувства... Это не был огонь, это не был солнечный свет, это не была атомная вспышка, это вообще не был свет, который мы привыкли видеть в жизни. Когда уже потом, после всего, я искала образ, с которым можно было бы сравнить этот свет, я не могла подобрать ничего похожего; разве что сравнить его с миллионкратно умноженным сиянием, какое порой исходит от края зеркала, когда попадет на него рефлекс от солнечного луча? Это был и свет, и радуга,

и триллионы зеркально сверкающих искринок, и чистота, и прозрачность, и жжение пламени... В потоке этого света я находилась до тех пор, пока горница не осветилась лучами рассветного солнца. И тут я заметила странную вещь: у меня появилась как бы вторая пара глаз. Одни глаза — привычные, человеческие — видели рассвет и горницу, и мебель в ней, и сидящую неподвижно рядом со мной наставницу. Все это было обычным, домашним, близким. Другие глаза видели то же самое, но как бы сквозь призму того Света, и, преломляясь в нем, картинка была уже совсем иная. Все вокруг было точно соткано из серебристо-серой прозрачной субстанции, напоминающей мираж или полуденное марево. От этой невероятной картины меня кинуло в жар, я вскочила с лавки и бросилась вон из хаты. Я бежала со двора в сад, из сада в степь, и все вокруг — и сад, и степь — было таким же миражно-серым. Я глянула на солнце (поднявшееся уже довольно высоко) — и солнце показалось мне серым и совсем не слепящим. Внутренний Свет, который все еще владел мной, был столь ярким, столь сильным, что в его блеске весь остальной мир словно выцвел...

Я бродила по степи несколько часов, пока Свет не истаял во мне и мир не обрел привычные краски. Тогда я обнаружила, что заблудилась, и не знаю, куда идти. Но это открытие вызвало у меня не страх, а веселье. Я шла наобум и громко смеялась, сама не зная чему; вдалеке показался силуэт человека на лошади. Он подъехал ближе, это был Алексей Петрович. Ни слова не говоря, он подал мне руку, правой ногой я уперлась в стремя и, опираясь на мощную ладонь казака, взлетела вверх и уселась позади седла. Этот ловко удавшийся трюк (который для меня в обычном состоянии был бы невозможен) вызвал у меня новый взрыв веселья. Так я и смеялась все время, пока мы ехали домой.

Вечером силы оставили меня, я расслабленно валялась в постели, уставившись в крышу (потолка в моей комнате не было). Мною владело вселенское равнодушие, в теле не было сил, в сердце чувств, в голове мыслей.

Дверь неслышно отворилась, вошла целительница. Перекрестившись на икону Божьей Матери, она села рядом со мной и взяла меня за обе руки. Через мгновение мне стало легче, я обрела способность думать. Осторожно она начала меня расспрашивать о пережитом и увиденном. Я рассказала ей все в подробностях; от воспоминаний меня вновь охватил восторг. Но наставница, хлопнув ладонью по моему лбу, быстро привела меня в спокойное состояние.

— Тем, что пережила ты, донюшка, не гордись. Это тебе малый от Спаса подарок, вроде задел на будущее. Более ты такое вряд ли когда пережить сподобишься, и оно, в общем, неплохо: переживания такие душе неподготовленной ни к чему.

— А что за Свет был со мной? — это волновало меня больше всего.

Точно не скажу, — ответила целительница и как-то нахмурилась. — Думается мне, что был с тобой не полный свет, а крохотный лучик, краешек сияния Божьего, Света Преображенского, что зовут еще Фаворским. Это Свет Духа, и он в действительности ярче солнца, ярче всех звезд вселенной. Несотворенный, изначальный, божественный. Я тебе не могу сказать определенно, потому что в жизни такого сама не видала, только читала да слышала. Может, и не он это был.

— Почему нет?

— Потому что Фаворского сияния достаиваются лишь самые святые и строгие подвижники. Многие монахи молитву Иисусову творят в надежде стяжать этот Свет, и не дается им. Но ты, доня, в гордыню не впадай и не думай, что ты святее всех. Вовсе нет. Свет Фаворский кажется не просто тем, кто чист да свят, а тем, кто со спокойной душой его принять может и от мира этого не отойти. Как ты думаешь, почему отцы-отшельники в скиты от мира уходили, в пустыне прятались? Да потому что, вкусив, хотя бы раз от Источника Света Вечного, они не могли уже видеть остальной мир, он им таким же пресным да

серым казался. Вот и шли в пустыню творить молитву Иисусову, чтобы вечно в Свете находиться... А ты мирской человек, и в скит не убежишь. Поэтому-то краешек ризы Его и узрела. Благодать Господня на тебя излилась из милости его, и в виде Света предстала. А то, что до дна души своей ты добралась и все покровы сняла, не думай. Целую жизнь вглубь идти будешь — и не дойдешь. Потому человек — это вселенная, а вселенная бесконечна и бездонна.

— Домна Федоровна! А чем же молитва Иисусова так сильна, что производит такое действие? Вроде слова-то простые...

— В самой понятной простоте всегда сила главная и заключается. А Иисусова молитва все в себе содержит, все основы Пути Спасова. "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". В этих простых, как ты говоришь, словах, человек сам себе исповедуется, что Христос — Господь истинный, и Сын Господа, и Логос воплощенный. Ты покаяние Логосу приносишь о несовершенстве своем, а покаяние, ты знаешь — начало любой молитвы. Слова же "помилуй мя" вовсе не просты. Что они значат, по-твоему?

— Ну... помилуй, значит, не осуждай, не наказывай...

— Мелко ты мыслишь, доня, ну да не твоя в том вина. Гуторила я тебе — полный смысл слов людьми утерян, живут только тем, что на поверхности. Слова "помилуй", "помиловать" означают не только прощение и отпущение без суда и наказания. Прежде всего, "миловать" — значит, любить. Ты Спаса о любви просишь его Божественной, о том, что суть его составляет, ибо Спас и есть любовь. То есть не просто Бога молишь о прощении безнаказанном, но о том, что лучшее есть у него для тебя.

— Точно. И ведь как близко по смыслу-то! Когда мы говорим, что люди "миляются", подразумеваем, что они любят друг друга... А "помиловать" для нас ассоциируется с фразой "казнить нельзя помиловать"...

— А есть и другое значение. Тоже по смыслу близкое, только обратно забыли мы про тот смысл. "Милый", "миловать" — то родственные слова слову "хмыля", что на старославянском значит одновременно "попымя", "свет", "жизнь" и "радость". Такое вот многовмещающее слово. От него произошло "ухмыляться". Это сейчас, когда говорим, что человек "ухмыляется", имеем в виду, что он не по-доброму улыбается, замышляет что-то. А раньше "ухмыляться" значило "радоваться свету жизни". Теперь вот чуешь, какие глубины одно-единственное слово скрывать может?

От изумления я не могла говорить, лишь качнула головой.

— А сложна молитва Иисусова, оттого что уму в ней зацепиться не за что. Это не псалмы, не литургические молитвы, не буйство восторга, не скорбь покаяния. Просто покой и устойчивость, трезвость и ясность, через которую только к Спасу придти и можно.

[цитата]

[3]Молитва перед образом Донской Божией Матери

О, Пресвятая Владычице, Дево Богородице, Заступнице наша благая и скорая! Воспеваем Ти вси благодарственная за чудная дела Твоя. Песнословим от лет древних неотъемлемое заступление Твое граду Москве и стране нашей, чудотворным образом Твоим Донским всегда являемое: в бегство обращаются полки чуждых, грады и веси невредими сохраняются, людие же от лютыя смерти избавляются. Осушаются очи слезящая, умолкают стенания верных, плач в радость общую претворяется. Буди и нам, Пречистая Богородице, утешение в бедствиях, возрождение надежды, образ мужества, источник милости и в скорбных обстояниях неистощимое терпение нам даруй. Подаждь коемуждо по прошению и нужде его: младенцы воспитай, юныя целомудри и страху Божию научи, унывающие ободри и немощную старость поддержи.

Посети в болезнях и печалех сущия, злыя сердца умягчи, братолюбие укрепи, мира и любви всех нас исполни. Примири, благосердая Мати, враждующия и оправдай оклеветанныя. Истреби пороки, да не восходят грехи наша пред Судиею всяческих, да не постигнет нас праведный гнев Божий. Твоими молитвами, всемогущим Твоим покровом огради нас от нашествий вражиих, от глада, губительства, огня, меча и всякаго инаго злострадания. Уповаем молитвами Твоими получитьи от Всевышняго Бога грехов прощение и изглаждение и с Богом примирение. Умоли стяжати нам Царствие Небесное и по скончании жизни нашае одесную Престола Божия стати, идеже Ты, о Всепетая Дево, Святей Троице в вечней славе предстоиши. Удостой и нас с лики Ангелов и святых тамо восхвалити Пречестное Имя Сына Твоего со Безначальным Его Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Его Духом во веки веков. Аминь

[3]Молитва перед иконой Пресвятой Богородицы "Утоли моя печали".

Надежде всех концов земли, пречистая Дево, Госпоже Богородице, утешение мое! Не гнушайся мене грешнаго, на Твою бо милость уповаю: угаси ми пламень греховный и покаянием ороси изсохшее мое сердце, очисти ум мой от греховных помыслов, прими мольбу, от души и сердца со вздыханием приносимую Тебе. Буди о мне ходатаица к Сыну Твоему и Богу, и укроти гнев Его материными Твоими молитвами: душевныя и телесныя язвы исцели, Госпоже Владычице, утоли болезни души и тела, утиши бурю злых нападений вражеских, отыми бремя грехов моих. И не остави мене до конца погибнути, и печалию сокрушенное сердце мое утеши, да славлю Тя до последнего издыхания моего. Аминь.

[3]Сон Пресвятой Богородицы

Опочивала еси Пресвятая Богородица, Дева Мария, во святом граде Иерусалиме Иудейстем в марте месяце. И пришедше к Ней Господь, Иисус Христос, возлюбленный Сын Ея едиnorodный, Спаситель всему миру, и рече ей:

— О, Мати Моя возлюбленная, Пресвятая Богородице, Дева Мария, спишь ли Ты, или не спишь, или что во сне своем видишь?

И рече Ему Пресвятая Богородица, Дева Мария:

— Я не сплю Сыне, мой возлюбленный, а про Тебя во сне своем видела видение дивно и страшно: за шесть дней воскресения Твоего, Господи, Петра апостола в городе Риме и Павла апостола в городе Дамаске мечем усеченного, а Тебя, Сына Моего возлюбленного, Иисуса Христа, в городе Иерусалиме у проклятых иудеев пойманного и связанного ими же дротами, и во двор священника Каиафы приведен, и убиен бысть. Тело Твое святое терзающее и на лице плевающее, и приведеннаго к Понтийскому Пилату, приведоша. И начав Пилат судити и отсудиша Тебя, Господа нашего, Иисуса Христа, хотя и не найдя вины, вести на распятие на гору Голгофу, и распяша Тебя, Господа нашего, Иисуса Христа, на трех деревьях: на первом Кипарис, на втором кедр и третьем терн, между двумя разбойниками. На главу Твою святую терновый венец возложиша и желчно с уксусом напоиша, и по главе тростию биша, руке и нози гвоздем пригвоздиша, и в ребра Твои святые копьем прободоша, из коих изтече кровь и вода на исцеление православным христианам и на спасение душам нашим грешным. Сия мати Твоя у креста стояша с любезным учеником Твоим — Иоанном Богословом стоящие, плачуще и рыдающие горько.

И рече ей Господь наш, Иисус Христос, и возлюбленный Сын ея, и едиnorodный Спаситель всему Миру:

— О, Мати Моя, Пресвятая Богородица, Дева Мария, воистинну сон твой праведен и неложен, и сбудется воистинну: буду Я предан в руке грешных человец и пострадаю от них окаянных все

вышеписанные страсти, которые ты во сне своем видела, и все оныя восприму, до самых смерти и словеса твои паче меда и сыты устам моим сладки. Не рыдай, Мати Моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, Дева Мария! Я буду с креста снят и во гроб положен, и в третий день воскресну. Жив буду от гроба и воскресну Адама первозданного, и воскресну вся живущия пророков, и Сам Мати Моя, Пресвятая Богородица, Дева Мария, вознесусь на небеса с херувимами и Серафимами. И тебя, Мати Моя возлюбленная Пресвятая Богородица, Дева Мария, прославлю, вознесу и возвеличу, паче всех небесных сил.

[конец цитаты]

[1]Глава 5

[1]Заговор — слово урочное

Донская весна, во вторую неделю Пасхи расцветшая во всем богатстве своих красок, ароматов, звуков и ощущений, могла оставить равнодушным разве что мертвого. Но после переживания, связанного с практикой Иисусовой молитвы, во мне словно что-то надломилось. Умом сознавая многоцветную красоту окружающего мира, душой я была абсолютно равнодушна ко всему происходящему. Мною владела только одна мысль — о Фаворском Свете. Нет, я не хотела пережить это вновь: опыта, который я получила в ту ночь, хватило бы не на одну человеческую жизнь, я хорошо знавала это. Меня мучила загадка Света, вернее, совсем не загадка, а напротив — то, что это-то как раз и есть самое ясное в моей жизни. Есть я, есть мир и все, что в мире. Все это творение, создание рук Его, разные формы одного и того же вещества. Из него сотканы люди и растения, камни, огонь и звезды; сколь бы разной нам не казалась их природа, все они суть одно. Сейчас я смотрела на мир как на множество разнокрасочных, разнообразных, разнохарактерных, движущихся гармонично и беспорядочно, с бесконечными вариациями хромосом, форм жизни, отношений, мыслей, поступков, ни в чем не похожих друг на друга фарфоровых фигурок, вылепленных чудо-мастером. Фигуркам кажется, что мир, в котором они живут и движутся, единственный, неповторимый и неизбежно правильный. Но стоит проникнуть чуть глубже того, что видно обычными человеческими глазами, как становится ясно: все вокруг — лишь покрытые цветной глазурью кусочки обожженной глины. Мы думаем, что это и есть жизнь, а на самом-то деле Жизнь — микроскопический лучик Света, заключенный в каждом таком кусочке глины. Свет и есть истинное, и есть главное, то, что наполняет этот Мир; кроме этого Света, ничего настоящего в мире нет. Несколько дней я ходила, погруженная в такие мысли, отключаясь от них только для Иисусовой молитвы. И, повторяя Иисусову молитву, я все больше и больше убеждалась в нетварной, истинной природе Слова, которое в моем сознании сливалось со Светом Духа. Только Слово в этом мире было столь же прекрасно, как Свет. Теперь я глубоко понимала

монахов-скитников, оставивших свет мирской ради Света Духа: единожды сподобившись переживания Совершенной Красоты, человек никогда не прельстится самыми удивительными дарами этого мира.

Потому, когда Домна Федоровна сказала мне, что будет учить меня заговорному слову, я только пожала плечами:

— Зачем, Домна Федоровна? Вы меня научили Слову молитвы, больше мне ничего и не надо...

От этих слов знахарка подняла брови и посмотрела на меня одним из тех ее взглядов, от которых давит грудь и прожигает насквозь сердце. Однако сейчас на меня это никак не подействовало, и я продолжала равнодушно смотреть ей прямо в глаза.

— Так, доня, — тихо сказала она, — видать, я тебя недооценила. Рассказывай.

Я открыла ей все свои мысли. Странно, но после этого я как будто очнулась от сна. Краски стали ярче, звуки громче, запахи сильнее, солнце жарче. Мир обрел прежнюю объемность.

— Что это со мной? — спросила я, потирая виски.

— Overdose.

— Что?! — не поняла я.

— Передозировка у тебя. Надо было мне тебя не вводить сразу в сильные практики. Дак у меня и думки не было, что тебе что-то с первого раза откроется.

— Домна Федоровна... Теперь я понимаю, почему отшельники от мира уходили. Я бы тоже ушла...

— И, дадунюшка ты моя жалкая! Для того ли ты Спасу обучаешься, чтобы от мира уходить? Спас не от мира ведет, а к миру. Для того Господь мир этот и создал, чтобы мы, творения его, в божественную природу самих себя проникли, и земная материя со Светом Духа его слилась! Отцы святые от мира уходили не для того чтобы в Свет превращаться, а чтобы в себе Свет этот стяжать и природу свою мирскую обожествить. Ты же не монашка, потому в миру тебе Свет искать надобно.

— При помощи молитвы Иисусовой?

— И с ее помощью, и с помощью Слова любого. Потому, хочешь, не хочешь, а заговорному слову учиться тебе надобно.

По спине у меня пробежал неприятный холодок: я вспомнила, как лечила мужа от ломоты при помощи заговора, и как после этого мне было нехорошо.

— Может, не надо, Домна Федоровна? Слаба я для заговоров. Вы же сами знаете...

— А я тебе все заговоры передавать и не буду. Возьмешь себе кружок, и станешь пользоваться, когда будет нужда. А не будет — так другому кому передашь. Но учиться надо. Без слова заговорного в природу Слова ты не проникнешь, не поймешь, на что речь человеческая способна. Да к тому же без словес урочных в Бабий Спас тебя ввести не получится.

— В Бабий Спас? Вы же говорили, это только для тех, кто колдовством занимается...

— Не для тех только. Но ты не бойсь, то дело не завтрашнего дня.

Утром, сходя на родник, я взяла банку с вербой веточкой, прочитала над ней обучающую молитву, захватила вербу с собой и пришла в кабинет к ворожее. Там я заметила перестановку: стол, стоявший до этого у окна, был подвинут на середину комнаты и развернут ромбом; перед ним стояла ворожея. Она взглянула на вербу, убедилась, что та уже пустила белые ниточки-корешки, поставила ее на середину стола, велела мне встать таким образом, чтобы один из углов находился напротив меня; сама встала на противоположном углу. Обеими руками мы схватились за два боковых угла, ее ладони лежали сверху моих. Я склонилась над вербой, знахарка надо мной. На ухо мне она шептала слова заговоров, а я

повторяла их, нашептывая на вербную ветку. Некоторые из заговоров были мне знакомы, в их числе и тот, которым я лечила Володю. Но большинство я слышала впервые. Всего знахарка передала мне шесть заговоров: от разного рода болезней, от порчи, от сглаза, от всякой наведенной беды. Не было только «порченных» и приворотных словес. Это меня очень обрадовало: больше всего я боялась, что знахарка передаст мне часть чернокнижных знаний.

После ритуала над вербой Домне Федоровне пришлось минут двадцать отдыхать в холодке: мое обучение давалось ей нелегко.

— Старею, — как бы оправдываясь, сказала она. — Хотя чего удивиться? До тебя я никого не учила.

— Даже дочь? — удивилась я.

— Дочку учила мама моя. Я ж тебе говорила — от бабушек к внучкам Знание переходит.

Вечером мы взяли баночку с вербой и пошли в степь. Мы довольно далеко отошли от хутора, пересекли лесок и вышли к небольшому высохшему болотцу с зарослями уже отцветшей вербы. Домна Федоровна выбрала место, и я посадила свою вербу рядом с другими кустами. Перед тем, как прикопать прутик, я плюнула в лунку, то же самое сделала Домна Федоровна. Полила ее водой из банки, и мы, встав на колени, повторили ритуал передачи заговора. В третий раз знахарка передавала мне «урочные словеса» наутро, на самой заре.

— Теперь возьмется, — сказала она мне, когда мы возвращались обратно.

Я попросила ее объяснить, для чего я сначала наговаривала на вербу обучающую молитву, а затем мы трижды над этой вербой шептали заговоры.

— То верба не простая, а свяченная, с Вербного воскресенья. Она для ума прибавления, для учебы имеет силу особую. Молитву над ней прочитаешь, верба расти будет — и знания твои расти вместе с ней. Она корни пустила, ты над ней слова заговорные, что выучить хочешь, нашептала, теперь она как примется — слова в тебе прорасти будут. Верба укоренится — и слова урочные в тебе укоренятся. Расцветет кустом — и у тебя слово заговорное крепко будет.

— А если не примется?

— Корешки пустила, значит, примется.

Вечером, когда мы снова собрались у нее в кабинете, я спросила ее:

— Тетя Домна, почему молитвам вы меня учили просто так, без всякого рода ритуалов и походов в степь, а для заговоров все это понадобилось?

— Оттого, что молитва — слово Божие, при ее посредстве ты со Спасом говоришь во всякое время, когда ты к этому разговору готова. А заговор — слово *урочное*.

— Что значит «урочное»?

— Урочное — от слова «урок». Только не тот, что в школе. «Урок» — слово древнее, означает оно «лихой час». Оттого заговор можно только в час лих произносить, это словеса не на всякий момент жизни.

— В лих час?

— Ну да, ежели беда стряется.

— Разве молитва в беде помочь не может?

— Может, еще как. Потому я и лечу молитвами.

— Зачем же тогда заговоры, если молитвы есть?

— Потому что заговор тогда применять надо, когда беда не по судьбе пришла, а сделана.

— Вы про порчу и сглаз говорите?

— И про это тоже. А пуще того — про черные слова, вслед брошенные или в дурную минуту реченные.

— И чем же эта сделанная беда отличается от той, что по судьбе?

— Которое по судьбе лихо, ты его сама себе заслужила — мыслями несправедливыми, словами и делами. А сделанное — то, что тебе другой человек навязал, сознательно или неосознанно.

— И как же можно навязать лихо?

Знахарка вздохнула.

— Проще простого, донюшка. Ежели ворота лиху открыть, оно и привяжется.

— А где они, эти ворота?

— Рядом с тобой.

Я оглянулась (это вышло как-то машинально). Знахарка рассмеялась:

— Ни, доня, так ты ворота эти не увидишь. Человеческими глазами их узреть не можно.

— А какими можно?

— Зрением духовным некоторые видят. Но оно ни тебе, ни мне ни к чему. Просто знай: рядом с тобой двери есть в иной мир, где духи стихий обитают.

— Домна Федоровна... Это уже язычество какое-то! — развела руками я.

— И что? — голос ее был абсолютно спокойным.

— Ну как — что?! Вы ведь Спасу меня учите, православному духовному Пути. А тут — духи стихий... Как это вместе сочетаться-то может?

— В Божьем Миру, Дарья, многое есть из того, что на первый взгляд сочетаться не может никак. А существует, живет и сочетается. То эгоизм людской человека над всей тварью Божьей поставил, и поспешил все остальное объявить нечистым. Сама подумай-то: что же, предки наши до того как Христа приняли, неразумные да недуховные были? Вовсе нет. Знали они и про Слово, и про Господа-Творца, и про духов стихийных. И всему в этом мире свое место находилось.

— А что же это за духи стихий такие? Чем они от прочих духов отличаются — ангелов и небесных всех сил?

— Тем и отличаются, что роду они земного. Это вроде как силы, энергии земные. Когда заговор произносишь, ты к ним обращаешься да помочь приказываешь, работу им даешь в своем мире, в пространстве явленном. Тем слова заговорные от молитвы и отличаются: молитвой ты Спаса просишь, а заговором — духам приказываешь.

— А если они меня не послушаются?

— А многих и не слушаются. Потому заговор только от того человека действен, который его от учителя духовного получил. Учитель ведь не только словесам тебя учит, он тебе силу дает, власть над стихиями. Власть эта — штука опасная. Чуть не удержишь, и вот уже не ты стихиями владеть будешь, а они тобой.

— Как же их удержать мне тогда?

— Тут несколько правил есть, кои соблюдать всегда должно. Во-первых, без причины слова урочные не пользуй. Только ежели уверена, что сглазили тебя, али кого другого, чи испортили. Еще при сполохах да испугах слова те говорить можно. Тогда духам работа есть. А коли просто так, от баловства, от забавы, от гордыни альбо от неразумения заговор речется, духи на волю выходят и, работы не найдя, безобразничают много. Слава Богу, что не всяк их выпустить может.

— А человек может силу заговора получить, если ему учитель не передаст ее? Допустим, прочитал где-то в книге и понравилось ему?

— Может. Так же, на вербу пасхальную наговорив. Но тут уже надо не трижды наговаривать, а все время, пока верба принимается и растет. Все это время каждое воскресенье к литургии ходить надобно, посты соблюдать, молитвы читать. Около года такое учение занимает. Только мало кто выдерживает это. Изматывает очень, и душу, и тело. Но уж ежели кто вытерпит, да до конца доведет, тот силу от стихий прямо в руки получит. И тогда сам уж сможет слова заговорные составлять.

— Разве их составлять можно самому?

— Почему нет? Главное знать, как и к кому обращаться, сколько раз повторить, чем закрепить. Ежели хочешь, научу тебя.

— Не знаю, не уверена... А что, научиться самостоятельно можно, только вербу наговоренную вырастив?

Знахарка помрачнела.

— Не только. Есть и другой способ.

— Какой?

— Жертва духам.

— Жертва? Это как?

— Когда человек существо живое жизни лишает, в дар духам приносит со словами особыми. Таких способов много в учебниках чернокнижных описано. Змейки, лягушки, мыши полевые и летучие, кошки, собаки — вот обычная жертва. И убивают-то их не просто так, а по-особому, издеваясь длительно, чтобы жизнь по капле из них вытекала.

— Ужас... Какую же силу после этого приобрести можно?

— А сама не смекаешь? Силу злую, силу черную. Убивая душу живую, даже лягушечью, благодать ничем не стяжаешь. После жертвы такой духи служить тебе, конечно, будут — до самой смерти, но уж на смертном пороге они над тобой наиздеваются вволю, намучаешься, как то животное от рук твоих мучалось.

— Неужели те, кто все это совершает, не знают, что их ждет?

— Почему не знают. Знают. Но люди за власть да силу про все забыть готовы... Что там слово заговорное? Про него немногие думают. А власть мирская — разве лучше она? И разве добиться ее другой способ есть кроме как по головам жертв своих шагая? Только расплата за то не сразу, не вдруг приходит, потому как закон людской слеп, преступлений не видит, а коли и видит, то ради власть имущего глаза на то закрывает. В природе же все по-иному: все она видит и за всякий грех преступника найдет и накажет.

— Домна Федоровна. А вот колдуны и маги, которые салоны открывают, в газетах объявления дают — приворожу, исцелю, исправлю карму, — они как заговорами владеют: от учителей или посредством жертвенных действий?

Знахарка усмехнулась.

— Никак не владеют, доня.

— То есть как — никак? Многим же помогает?

— Многим не заговоры помогают, и не сила стихийная, а простой разговор такого вот «мага». Людям порой надо лишь, чтобы кто-то с ними поговорил по душам... Этим и пользуются мошенники газетные.

— И что, все они так уж и мошенники?

— Все до единого, доня. Те, кто дар свой богоданный на деньги обменивает, все мошенники.

— А как же врачи? Они ведь за свой труд тоже деньги получают?

— Ты тут, доня, не сравнивай. На врачах ответственность лежит, даже на самых плохоньких. А волшебник газетный ни за что не отвечает. Да и труд их трудом не назовешь. Но хватит об этом. Мы сейчас не про то говорим, как народ обманывать, а про слово заговорное. Я вот тебе заговоров передала двенадцать штук, на всякую беду. Мы давай-ка теперь с тобой разберем, какой из них когда пользоваться и каким побытом. Раскрывай тетрадку свою.

Толстая тетрадь на пружине, половину которой я уже исписала, давно была раскрыта на чистой странице. Я превратилась в слух и стала записывать.

— Ты вот, доня, думаешь, что только лих человек может тебя сглазить от зависти. Ан нет: и сама себя точно также сглазить можешь, ежели хвастаться без меры.

Я улыбнулась:

— Знаю. Да так, наверное, и любой человек. Я вот, например, вообще стараюсь своих планов никому не сообщать. А если и говорю, то про себя добавлю всегда «тьфу-тьфу». А Володя мой вообще такой суеверный! Они, ученые, хоть и материалисты до мозга костей, а сглаза боятся побольше всех остальных. Как проект начинать, так ходят скрытные, загадочные, даже смешно.

— И правильно делают. Это люди по древней памяти еще сохранили, то вроде как инстинкт охранительный. Потому что начало дела любого, ровно младенец новорожденный, слабенькое, всем опасностям подверженное. Как младенца от чужого глаза берегут, так и дело новое надо скрывать и защищать. Вот на то заговор специальный и есть:

[цитата]

Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь. Святой Никола, Богородица Донская, от всякого сглазу, спаси и сохрани: от завидящего, от своего худого помышления, от девки-простоволоски, от бабы-самокрутки, от маленьких ребят, от тридцати ветров, от двенадцати погод, от двенадцати вихров. Спаси и помилуй. Аминь.

[конец цитаты]

Читать этот заговор надо трижды в день в первую неделю как дело начинаешь: на заре, в полдень, и на закате. Хорошо ежели у тебя будет какой-то предмет, с этим делом связанный. Любой предмет, да хоть ручка, которой ты записываешь в блокнот планы, встречи, да что угодно! Вот на этот предмет и начитывай, и всю дорогу его с собой носи. Слова эти при любом начале употреблять можно, но только в том случае, когда начатое для тебя очень важно. Бо ежели по всякой ерунде будешь их начитывать, они скоро силу потеряют. А сила большая в них, слова эти охраняют от любого лиха, что дело испортить способно.

— Какого лиха?

— Дак вот же, тут все перечислено: от завидящего — от зависти то есть. От своего худого помышления — от хвастовства и гордыни.

— А что значит «от девки-простоволоски и от бабы-самокрутки»?

— А то и значит — от девки, с непокрытой головой ходящей и от бабы, что с мужем невенчанная живет. Вот где тьма лиха таится! Нынешние-то девки голову не кроют, женщины с мужьями не венчаются! Любая такая в себе беду носит, и сглазить может, и испортить.

— А маленькие ребята причем?

— И в детях малых опасность таится, ибо дети ни зла, ни добра не разумеют. От ветров, погод да вихров-вихорей понятно тебе, почему защищаться надо? Потому что в ветрах духи живут, силы стихийные. Они тоже благодать из дела начинаемого вынуть могут. Да и порчу по ветру пускают нередко, и сглаз.

— Это как?

— А вот как: будет про тебя человек худое говорить, или хорошее, но с завистью, а ежели станет он на ветру в тот час, и ветер от него к тебе лететь будет, то и получится порча. От нее, кстати и слова специальные:

[цитата]

Стану я, раба Божья Дарья, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в широкое раздолье под восток, под восточну сторону, на окиян-море. На окиян-море стоит дуб булатный, на ем кора булатна, ветки булатны. Вылазит бык из окиян-моря, ноги у его булатны, хвост булатный, рога булатны. Бодет он и выбадывает из рабы Божией Дарьи все сварки и сколотки, хомутцы и запорища и все ветреные переполохи, грыжу и грыжуху красну и белу, костяну, нутряну и жилину. Боди и выбадывай, чтобы не было ее век по веку, отныне и присно и во веки веков. Аминь.

[конец цитаты]

— Какой интересный и сложный заговор...

— Да, то слова, по всем правилам заговорным составленные.

— А какие они, эти правила?

— А правила те, чтобы человек посредством словес урочных в такое состояние духа пришел, чтобы ворота в соседний мир открыть. Для начала благословение нужно Богово. Для того ты и говоришь: стану, благословясь, пойду, перекрестясь, раба Божья — очень важно сказать это, что Божья раба, что Бога исповедуешь и силой Его действуешь, а не анчибела нечистого. А потом вот смотри как интересно дальше: ты, по словесам этим, куда-то идти должна. При этом никуда ты не идешь, а на месте стоишь... То для духа твоего будто упражнение, вроде игра — что выходишь ты из обычного твоего пространства и идешь в другое пространство, внешнее, чужое: из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в широкое раздолье, под восток (понятно почему под восток: навстречу солнышку), на восточну сторону, на окиян-море. Вот ты и «пришла» в место урочное, где стоит дуб булатный, то есть, из стали особой скованный, булатной стали, прочнее которой на свете нету. Из моря бык вылазит, и тоже булатный. Ну, булатный почему, ясно: булат — сталь — оружие — защита. А вот бык почему, ты можешь мне объяснить, археолог?

У меня мелькнула догадка, но она столь далека была от славянских древностей, что я не решилась сказать. Домна Федоровна, видя это, подбодрила меня:

— Ну, доня, смелей! Не бойся, не засмею.

— Хорошо, — я решилась. — Только у меня с быком ассоциации совсем от нас далекие.

— Какие далекие?

— Да вот... картина вспомнилась, «Похищение Европы». Где Зевс в виде быка похитил прекрасную девушку Европу...

— Ай да молодец, Дарья! Верно мысль ухватила! Так и есть оно, бык — это бог древний, да не просто бог, а самый главный! У всех народов обязательно бог в виде быка был, среди множества богов-идолов.

— Да, и в Египте, и в Индии...

— Ну, и у славян тоже! Вот она, видишь, как памятью древней сквозь слова заговорные веет! Таким побытом, бык тут — не просто животное, а существо, силой нечеловеческой обладающее. Этой-то силой он беду и выбадывает.

Моя догадка ее так обрадовала, что она говорила, не переставая улыбаться:

— В каждом заговоре есть такой бог, или существо, властью нечеловеческой облеченное. Может, это зверь, или птица, а может, и человек, и прямо — бог. Разные имена у них могут быть, в том числе и Господа нашего Иисуса Христа, и Матери Божьей, и архангелов, и праведников святых. Но под этими всеми именами ты обращаешься к силам природным. Именем Спасителя да Божьей Матери любым стихиям приказывать можешь. Святой Никола Чудотворец — за путь-дорожку отвечает, а еще за водную стихию. Михайло Архангел — он за огонь ответствен, Илия-пророк, Гавриил Архангел, Иоанн Креститель — нечистую силу прогоняют, Георгий Победоносец — над кровями и ранами властвует. Кроме святых, еще и древние духи называться могут: Мара-полуденница, заря утренняя Мария, заря вечерняя Маремьяна. Мара знаменует зенит солнечный, Мария энергию начала дарует, Маремьяна доброе завершение. Ну да все имена да стихии перечислять — ни сил, ни времени не хватит. Тут и Перун может быть, и Дажьбог, и Род, и Рожаницы, и Макошь, и Сварог. Тебе важно просто понять, какое слово в заговоре на каком месте стоит, и почему.

— Но не все заговоры все это в себе содержат: выйду, приду, там что-то стоит, как-то действует...

— Не все. Есть сокращенные заговоры, их тоже много. Долгие словеса повторять сложно, да и помнишь не всегда. И нужны они не ко всякому случаю. Чем больше лихо, тем длиннее заговор, тем больше духам работы.

— А как свой собственный заговор составить? — меня разобрало любопытство.

— Да так и составляй. Благословись для начала, потом путь свой опиши в то место, где свершаться дело будет, что подействует на беду твою, призови помощника могущественного, прикажи ему, что делать и слова свои закрепи «Аминем».

— Можно попробовать?

— Пробуй, — усмехнулась знахарка, — только реши сначала, от какой беды тебе свой собственный заговор нужен.

На том занятие закончилось. Наставница пожелала мне спокойной ночи и ушла спать. Мне же не спалось: хотелось применить новые знания... Я долго думала, какая ситуация может возникнуть у меня, когда пригодится мой заговор. Я прикрыла глаза, стали наплывать образы: хутор, сады, степь, васильковая вода Маныча, улыбающаяся наставница...

«Я ведь уезжаю, и не увижу всего этого еще очень-очень долго» — подумалось мне. И сердце сжалось, предчувствуя будущую тоску. На ум стали приходить образы, складываться в слова. Я вскочила с постели, зажгла свет, раскрыла тетрадь и записала:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Стану я, раба Божья Дарья, благословясь, пойду, перекрестясь, из хаты в двери, из дверей на двор, со двора в сад, из сада на путь-дорожку. Иду я дорогой широкою, травами зелеными, цветами лазоревыми, иду в степь привольную, в степи привольной стоит курган высокий, коло кургана того камень белый, из-под камня того течет аксай-ручей. Возьму я, раба Божья Дарья, почерпну воды из ручья белого, скажу слова заветные: Матушка Пресвятая Богородица, Святой Никола Милостивый, несите тоску мою, как несет ручей воду свою через недра земные, через степь,

через дорогу, несет в реку широкую, в море глубокое. Утони, моя тоска, в море глубоком. Будь слово мое крепко, силой Духа Святого. Аминь.»

[2]Заговоры Домны Калитвиной

[цитата]

[3]От порчи, дурного глаза и недоброжелательства.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Дай мне, Господи великую оборону — крест животворящий. Крестом спасусь, коловоротом сохранюсь, ключевой водой умоюсь, крестовым полотенцем утрюсь, пеленой Господней закликаюсь. В той пелене пеленаюсь, Матушка Пресвятая Богородица истинного Христа пеленала, в той пелене я весь запеленаюсь. Сокрой меня, Господи, и запечатай тело мое, уста мои от худых дел, от злых людей, от еретика, от еретицы, от колдуна, от колдуницы, от скороеда, от ужа ползучего, от огня кипучего, от острого ножа, от зубастого серпа, от огня, от пламя и от злых людей. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

[3]От дурных мыслей

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Дума моя, дума, дума моя злая, кровь моя дурная. Тикай, моя думушка, в дремучий лес, в пень-колоду, в белую березу, в вязкое болото, там тебе место. Аминь.

[3]От испуга (начитывается на открытый огонь)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Батюшка Перун, всем ты царям царь, всем ты огням огонь. Будь ты кроток, будь ты милостив! Как ты жарок и пылок, как ты жжешь и палишь в чистом поле травы и муравы, чащи и трущобы, у сырого дуба подземельные коренья, тако же я молюся и корюся тебе-ка, батюшко, Царь-Огонь — жги и спали раба божьего (имя рек) всяки скорби и болезни, страхи и переполохи. Аминь.

[3]От всякой болезни:

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Ходил раб Божий (имярек), ходил по полям, по долам, по зеленым лугам и по желтым пескам, и по быстрым рекам. Видел раб Божий (имярек), как желтые пески пересыпаются, как быстрые реки переливаются, как с зеленой травы вода скатывается. Так бы с раба Божьего (имя рек) и хворь катилась с буйной головы, с ретивого сердца, с ясных очей, с кровяных печеней и со всего тела белого. Аминь.

[3]Когда надо остановить кровь:

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. На море, на окияне, на быстром буяне лежит камень. На камне алатыри стоит конь белый, на том комоню сидит сам святыи Георгий. Держит он иглицу стальную в руках, зашивает семьдесят сем ран, унимает семьдесят семь кровей. Не единой крови не текет, не едина рана не отверзется. Аминь

[3]От бессонницы:

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану я, раба Божья (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, выйду из дома на порожки, с порошков на дорожку, выйду в чистое поле, в чистом поле встает заря утренняя Мария, угасает заря вечерняя Маремьяна. Заря ты, зоренька, красная, ясная, утренняя — Марья, вечерняя — Маремьяна, унеси бессонницу-полуночицу у рабы Божьей (имярек). Полуночица, полуночица, не журился над моей ретивой головушкой, а журился в синем море над серым камнем. Аминь

[конец цитаты]

[1]Глава 6

[1]Потайное слово

Прошло три дня. По утрам я ходила к зарослям вербы смотреть, как растет моя веточка. Заговоров на нее я больше не наговаривала, но знахарка велела мне присматривать за своей вербой, чтобы установить связь между мною и растением. Я подозревала, что обильно разросшиеся кусты вербы возникли на высохшем болотце не просто так: слишком большая энергетика чувствовалась в этом месте; верно, свои "священные" прутьики сажало здесь не одно поколение казаков-знахарей. Впрочем, энергию я сейчас чувствовала во всем, и не просто энергию, а какое-то мощное, всесокрушающее движение жизни, и движение это было очень явным — почти видимым, почти слышимым. Точно, передавая мне заговоры, наставница влила в меня мощь токов земных. Я ощущала эти токи земли повсюду; в их грандиозном звучании, словно тембры разных инструментальных групп в огромном симфоническом оркестре, различались токи разных стихий. Гладил ли мою кожу свежий степной ветер, дышала ли в спину лесная листва, блазило ли в жаркий полдень степное марево — во всем этом было столько своей, дикой жизни, что мне казалось: не воздушные массы перемещаются по степи, но дух ветра Вихорь кружит меня в своих прохладных объятиях, не листва шумит в ветвях, но глядит мне в спину тысячью зеленых глаз тот самый, сторожащий Федорову чудо-кузницу Лесной Кум, не разогретый пар поднимается от трав к небу, но полевая дева Мара-полуденница встает мне навстречу. Я ходила тяжело, приземленно, врасстав в землю босыми ступнями (обувь в эти дни давила ноги, мешала ходить), я была пьяна силой стихий, словно обильно увлажненная весенним дождем земля. Я все время думала, как глубоко ошибочно то мнение, что наши древние предки от неразумения и страха перед силами природы выдумывали себе владык стихий и поклонялись им в капищах и кумирнях. Это мы, современные люди, зазнались от высокомерия и сознательной отдаленности от матери-природы; отдаленности, обернувшейся для нас обездоленностью... Духи стихий, безусловно, существуют, теперь я это точно знала. У них есть

свои имена, и с ними, вероятно, можно вступать в какие-то отношения, более того — они ждут, что мы сделаем первый шаг навстречу.

Мир открылся с новой, доселе неведомой мне стороны, он стал как будто объемнее, шире, полнее, и полнота эта была не окончательная, она постоянно росла, расширялась и разбрасывалась во все стороны, как звездное вещество после взрыва сверхновой. До сих пор я видела мир как бы в застывшем, готовом состоянии, сейчас, напротив, мною владело чувство, что мир постоянно меняется, эволюционирует, и нет в нем ничего законченного до совершенного конца; вместе с тем любое точечное состояние этого процесса само по себе совершенно и прекрасно. Вот что-то начинается, прорастает — и мы умиляемся его нежности и беззащитности, оно входит в силу, цветет — и мы любимся этим цветом, цвет увядает — но получается сочный плод; плод умирает, уходит в землю — но скоро там появляется новый росток. Безостановочное рождение и умирание — вот где теперь я видела истину жизни вечной.

Одно расстраивало меня: передача знания давалась Домне Федоровне слишком тяжело. После высадки вербы и объяснения смысла заговоров она ослабела, занемогла и уже три дня не вставала с постели. Моя любимая наставница вмиг постарела и теперь выглядела на свои шестьдесят три года. Как будто я отняла от нее часть жизненных сил. Это сильно омрачало мои мысли, и я, сидя у постели больной, внутренне сгорала со стыда. Хотя я не подавала виду, это не укрылось от пронизательной казачки.

— Не стыдись, доня, — успокаивала она меня. — Все идет, как надо тому быть. Силу ты от меня не по злобе отбираешь, а я тебе ее вместе с Знанием даю. Даже Спаситель, исцеляя да уча, силу свою терял, так то — Бог, а мы-то человеки...

— Спаситель, Христос, Бог — и силу терял? — засомневалась я. — Как же такое быть могло?

— А вот могло быть, и было. Евангелие от Марка возьми, прочитай. Была одна женщина, и страдала она кровотечением много лет. И услышала, что пришел к ним в город Иисус. Она пришла к нему, но пробиться сквозь толпу трудно было ей, и обратить на себя внимание Его. Тогда она стала проталкиваться к нему без надежды на разговор, но сказав про себя так: если хоть края одежд Его коснусь, исцелена буду. И протиснулась, и коснулась на миг одежды Иисусовой. И хворь ее оставила. А Христос почувствовал, как изошла сила от него, и спросил: кто коснулся меня? Тогда женщина вышла и поклонилась Ему. Он же благословил ее и сказал: иди с миром, чадо, вера твоя спасла тебя. Так что даже в Евангелии записано, что сила от Него уходила, и Он чувствовал это. Видишь теперь, ничего злого в том нету. Да и уже поправлюсь я скоро, завтра на ноги встану. То, что отдала я тебе, мне вернется, не переживай. Лишь запомни: все, что отдаешь ближнему своему от сердца, все возвращается тебе многократно.

На следующий день целительница, в самом деле, почувствовала себя гораздо лучше и даже занялась хозяйственными делами. Целый день мы провели на огороде. Я копалась в земле с особым удовольствием: мне казалось, с каждым прикосновением к этой удивительной жирной и черной субстанции, от которой так и веет чем-то материнским, в меня вливается энергия. И еще я чувствовала, как работа на земле возвращает к жизни наставницу. Я поделилась с ней своими ощущениями, на что она ответила:

— Все верно ты чувствуешь, доня. Знать, учение мое в кровь и в плоть твою входит. А силы земные — умирание да рождение, — самые могучие силы на этом свете. И могучи они именно так, как ты заметила — в движенье безостановочном. Ничего застывшего во всей природе нету и не было никогда. Даже камни, и те растут да помирают. А чувствуешь ты это оттого так ясно, что сейчас весна, земля рождает и рождать еще будет до самой осени. Сила же эта рождающая, выталкивающая — самая, что ни есть великая, ничто ее ни остановить, ни отдалить неспособно. Не зря ж говорят: с...ть да родить — нельзя погодить.

Этой нескромной поговоркой знахарка меня рассмешила и смутила одновременно. Не то, чтобы она в своей обычной речи совсем не употребляла подобных слов, просто мое настроение было возвышенно-благоговейным перед этим рождающим всесильем природы, и упоминание вместе с ним других, совсем не возвышенных, физиологических процессов, мне показалось неуместным.

Домна Федоровна мое смущение заметила, и, продолжая улыбаться, сказала:

— Что нос воротишь? Зря, что ли, в природе органы рождающие и выводящие отходы рядом расположены? Так же они близки и одинаково святы, как смерть и рождение, как печаль и смех. Не запачкавшись, не очистишься, не умерши, не родишься вновь!

На рассвете меня разбудил громкий голос знахарки:

— Донечка, вставай, мы уезжаем, за хозяйку тут остаешься.

— Как? Куда уезжаете? Все вместе? — я вскочила с постели, ничего не понимая.

— До родни в Сальск. Надо ехать.

Сполоснув лицо, я вышла проводить хозяев. Садясь в машину, знахарка спохватилась, будто только что вспомнила:

— Ты вот что, доня. Сегодня мастера приедут, водопровод смотреть, ты подпол на базу — там, где цементом залито у нас, открой им. Вот ключи тебе, — и вложила мне в руку круглый, темный с ржавчинкой, ключ.

Я вернулась в дом, недоумевая и удивляясь. Вчера, за ужином, никто и словом не обмолвился о том, что сегодня предстоит поездка. А сегодня — нате вам, спозаранку, вдруг, бросив хозяйство, все вместе — и Домна Федоровна, и Алексей Петрович, и Федор, и Ирина... Не случилось ли у родни что-нибудь трагическое? Хотя вид у отъезжающих хозяев был не скорбный, напротив — женщины как-то явно принарядились.

Озадаченная, я уселась завтракать. Аппетита не было: меня разбирало любопытство.

Около десяти утра у ворот засигналила машина, слышались веселые окрики:

— Эй, хозяйева! Машину вызывали?

Я вышла за калитку и остолбенела. У ворот, желтая огромной цистерной, стояла ассенизаторская машина, называемая в народе г...возкой. Конечно, я прекрасно знала, что в сельской местности, в отсутствии городской системы канализации, все нечистоты сливаются в выгребную яму, которую время от времени чистят при помощи таких вот машин. И все было бы нормально, но абсурдность ситуации заключалась в том, что хозяйева, вызвав ассенизаторов, уехали к родне, предоставив госте заниматься грязной работой. Мало того, что это никак не вписывалось в кодекс казачьего гостеприимства, так еще и явилось для меня полной неожиданностью: ведь Домна Федоровна даже не намекнула, какие именно мастера должны приехать.

Однако размышлять было некогда: веселые ассенизаторы в оранжевых комбинезонах явно торопились. Ворота со скрипом отворились, машина въехала на базу, я открыла замок подпола, мастера подняли тяжелую зацементированную крышку и окружающее пространство вмиг пропиталось тяжелой липкой вонью. Автоматически я быстро заткнула нос, чем вызвала взрыв хохота со стороны мастеров. Но меня это не спасло: вонь была повсюду, она лезла в глаза, в рот, в уши, забиралась под одежду, въедалась в кожу. Мастера ловко вытащили из машины ребристую коричневую трубу и спустили ее в смердящее отверстие подпола. Труба тяжело плюхнулась вниз, подняв новую волну зловония, мастера включили насос, и труба, подергиваясь, начала всасывать вонючую жижу с громким хлопом и чавканьем. Когда все,

наконец, было кончено, ассенизаторы стали вытаскивать трубу, при этом не даже удосужившись подогнать ближе машину. Отвратительно мокрая, издающая тошнотворный запах труба проползла несколько метров по цементу и нехотя втянулась обратно. От нее остался темный "благоухающий" нечистотами след. Машина уехала, а я принялась отмывать запачканный двор. Прежде чем я отчистила цемент до прежнего состояния, мне пришлось известить все, найденные в трех домах, туалетные средства. Несмотря на это, на базу все равно воняло, и я, оборвав практически всю садовую мяту, густо забросала ею цемент. Но запах остался, мне показалось — разило от меня. Пользуясь тем, что на хуторе никого, кроме меня, нет, я разделась догола и стала обмываться холодной водой прямо из колодца. Я истратила весь свой шампунь и гель для душа, но проклятая вонь, казалось, проникла в самую кровь мою. Баня была заперта на замок, и я, взяв стиральный порошок, ушла отмываться на Маныч.

Вернувшись в конце дня с раздраженной от порошка до крови кожей, я увидела, что хозяева уже дома, и что настроение у них приподнятое. (В отличие от моего: мало того, что на меня свалили самую неприятную часть хозяйственных хлопот, так еще и кожа, которую я с ненавистью терла стиральным порошком, смешанным с белым манычским песком, болезненно распухла и горела адским пламенем.) Знахарка же, не заметив моего состояния (или сделав вид, что не заметила), весело спросила:

— Ну что, доча, все хорошо, справилась?

— Справилась, — кисло ответила я и пошла в хату мазать кремом пылающую кожу.

Едва я, морщась и кусая от боли губы, успела обмазаться антисептическим кремом, как Домна Федоровна позвала меня ужинать. Я отказалась: аппетита, после сегодняшних приключений, не было и быть не могло, но хозяйка буквально силой вытащила меня из хаты и привела за стол. Только я взглянула на стоявшие на нем блюда, как меня затошнило. Цыплята в ореховом соусе, тушеная нутрия в горшочке, фаршированная рублеными желудками гусиная шея, копченая лопушина, тефтели в томате с черносливом, кровяная колбаса, нарезанный дольками вареный язык, паштет из печени с зеленым луком, жареный толстолобик, блюдо отборных раков, гора пирожков, сочащихся чем-то красным и сладким, деревянная миска с крашенками (яйца здесь продолжают красить вплоть до праздника Отдания Пасхи); над всем этим фантастическим изобилием выселись два больших глиняных кувшина, покрытых серебряной испариной (думается, их только что достали из погреба, где температура даже летом остается чуть выше нуля). Довершали натюрморт пять старинных, чеканного серебра, кубков (каждый объемом не меньше полулитра). Я в изумлении глядела на этот фантастический, ломящийся от скоромного стол (из овощных блюд здесь наблюдался только томатно-чесночный соус в соуснике). Таким столом казаки не разговлялись даже на Пасху! Что же случилось сегодня?

— У вас какой-то праздник? — спросила я хозяйку.

— Да не. То родичи гостинцев передали, — ответила она. — Кушай, доня.

Не спросясь, она взяла мою тарелку и наложила по куску всего, что было на столе. Я посмотрела на оказавшуюся передо мной гору еды, и мне стало смешно и тоскливо одновременно: они что, издеваются надо мной? Как бы в подтверждение этой мысли Алексей Петрович взял один из запотевших кувшинов и до краев наполнил мой кубок густым вином темно-гранатового, почти черного цвета. Точно так же — до краев — он налил вина и в остальные кубки.

— Любо! — пробасил казак.

Мы подняли серебряные кубки. Я пригубила и хотела поставить, но Алексей Петрович не дал мне этого сделать, задержав кубок за дно.

— До дна! — приказал он, на миг оторвавшись от своей чаши.

Захлебываясь, я допила вино и тут же почувствовала тяжелое животное опьянение. Кровь бросилась в голову, влилась под кожу и начала громко пульсировать на лбу, на щеках, на губах. "Надо закусить, а то упаду" — подумала я и принялась истово есть. Кушанья показались мне божественно вкусными; ей-богу, ничего подобного я еще не пробовала здесь, а ведь мне казалось, что готовить вкуснее, чем Домна Федоровна, просто невозможно! Я сама не заметила, как опустошила тарелку... Зато это заметила хозяйка и опять наложила мне крупных, сочащихся жиром, кусков. Я обильно полила их чесночным соусом, при этом меня невероятно насмешило, как дрожит в моей нетвердой руке белый фаянсовый соусник. Веселое настроение владело и хозяевами: разливая по второй, Алексей Петрович рассказал такой смачный и двусмысленный анекдот, что мы с Иринкой дружно покраснели и прыснули со смеху; без смущения рассмеялась Домна Федоровна, громко загоготали Алексей Петрович с Федором. После третьей чаши (невесть каким образом все-таки вместившейся в меня) анекдоты, веселые истории в духе народных запретных сказок посыпались как из рога изобилия. В выражениях хозяева не стеснялись, слушая их, я хохотала от души; только раз летучей паутинкой промелькнула мысль: как хорошо, что я пьяна — на трезвую голову мои уши от всего этого вмиг завяли бы и свернулись как сухой табачный лист. Наевшись, напишись, насмеявшись так, что заболели скулы, я ушла спать. Повалилась в постель и мгновенно уснула, но уже через час проснулась от ощущения, что сердце выколачивает бешеную лезгинку где-то внутри живота. Покачиваясь, я вышла во двор. Дурноты не было, но вместе с тем состояние мое было очень далеко от того ясного, трезвого и рассудительного покоя, в котором я привыкла находиться. Меня как будто вела какая-то плотная волна, насыщенная тяжелой земной силой. Это было даже приятно, хотя и необычно. Эта волна увлекла меня через сад, в степь, на простор; там я нашла клочок сена и распласталась на нем, придавленная к земле многократно увеличившимся вдруг притяжением (будто маленькая планета наша внезапно выросла до размеров Сатурна). На меня, как гора текучих одеял, наплывали токи, земля кружилась под звездами в пьяном экстатическом танце; придавленная к ней, я кружилась тоже. Это было странно, весело и волшебно. Незаметно я почувствовала, что земля затягивает меня, всасывает в себя, и я, как семя, погружаюсь в рыхлую влажную земную массу. Хотя я все так же хорошо видела высоко над собой стремительный хоровод звезд, меня не покидала уверенность в том, что я все глубже и глубже погружаюсь в землю, как в могилу, и скоро она сомкнется надо мной. Это не пугало меня, больше того — я хотела быть похороненной именно сейчас, именно здесь, в этой степи, в этой щедрой донской земле, стать частью ее. Чтобы ни одна капля страха не разрушила мое блаженное состояние, я закрыла глаза и в тот же миг почувствовала, как земля покрыла меня. Я доверилась ее тяжелым объятиям и растворилась в ней. Я чувствовала, как тяжело и влажно дышит земля, выдыхая в степь животворный пар, я слышала, как наливаются земными соками корни трав и кустарников, как торопливо сопят в норах кроты и мыши, как прогрызают ходы земляные черви, пропуская через себя землю и выбрасывая клейкие комочки прямо мне в лицо. Эта пожирающая, перерабатывающая, растущая и рождающая симфония земли пронеслась сквозь меня, с силой кидала в меня звуки, запахи, ощущения — комками, связками, охапками. «Как в помойку, — думалось мне, — как в выгребную яму». Я вспомнила, как утром чистили «подпол» и мне стало смешно и понятно.

— Ну конечно! — вслух расхохоталась я. — Переработка! Умереть, сгнить, раствориться! И опять прорасти!

— Верно, доня, — раздался спокойный голос знахарки. — Видать, наука тебе впрок идет.

Я открыла глаза и зажмурилась от восходящего солнца, которое светило мне прямо в лицо. Рядом со мной сидела знахарка.

— Как вы меня нашли? Это все специально вы устроили — и машину с ассенизаторами, и пир горой, и напоили меня? — я стремительно поднялась и уселась рядом с ней. От резкого движения у меня слегка закружилась голова.

— Не обиделась, доня? — спросила наставница, и сама же ответила на свой вопрос. — Не обиделась, вижу. Умница.

Она приобняла меня и поцеловала в лоб.

— Холодная, — промолвила ворожея, — ровно земляца.

Она взяла мои руки и стала их активно растирать. Затем точно так же растерла щеки. У меня перестала кружиться голова, от вчерашнего опьянения не осталось и воспоминания.

— Знаешь, доня, — говорила наставница. — Есть вещи, которые, прежде чем понять головой, надо пережить. Потому все странное, что происходит, должно воспринимать с чутьем и доверием. Это ко всякому человеку относится, а к тебе — пуще того, бо ты в Спасе живешь, а Спас неверного да ненужного не пошлет тебе. Движение земли, умирание, гниение и возрождение ты учуяла, а я тебе ощущения твои усилить помогла, чтобы ты осознала мощь эту земную во всей полноте ее. Ты думала, что Слово Божественное есть на этом свете главная сила, а видишь — не только горний мир могущество дарует, а и земное мощь имеет, да какую мощь! Не познав ее, в Слово не проникнешь.

— Пойдите, Домна Федоровна... А как это все соотносится со Словом? Ну, то, что заговоры обращены к духам и силам стихий, я понимаю. Но этот процесс — вечной смерти и рождения — он сильнее, чем стихии... Им с помощью заговоров вряд ли овладеешь. Во всяком случае, когда я тут лежала... в могиле, мне не вспомнился ни один заговор.

— А какие слова тебе вспоминались? — осторожно спросила знахарка.

— Да никакие. У меня вообще слов не было!

— Так-таки совсем не было?

— Совсем.

— А мысли были?

— Мысли были...

— И какие же мысли?

— Ну... я думала, что земля кидает в меня все формы жизни своей, вернее, жизнедеятельность этих форм, как в выгребную яму.

— Это добре. То верные мысли тебе пришли.

— Про выгребную яму — и верные? — рассмеялась я.

Но знахарка не разделила моего веселья. Наоборот, она как-то посерьезнела.

— Силы, которые ты почуяла, самые древние на этой земле и вообще во вселенной. Их человек знал еще до того, как научился имена давать стихиям. Но уже тогда с особым словом к ним обращался.

— Пойдите, Домна Федоровна, — меня пронзила глухая догадка. — Вы хотите сказать, что еще в доязыческие времена существовал древнейший вид заговоров, древнее тех, где упоминаются Род, Рожаницы, Сварог, Перун и Макошь?

— И существует до сих пор. Только люди говорят и не знают, что они говорят.

— Быть этого не может! — бросила я и, вскочив на ноги, стала ходить туда-обратно. — Если бы знали о таком виде заговоров, это было бы всем известно! Уж лингвистам-то точно!

— А оно им и известно. Правда, не всем. Но кто пелену привычного с глаз долой убрать сумел, те докапывались до истины.

— И вы хотите сказать, что вы тоже знаете эти заговоры?

— Больше скажу — и ты их знаешь. Вообще всякий человек, русским языком более-менее владеющий, те заговоры говорить может.

— Так скажите, скажите мне хоть один! — возбужденно вскрикнула я.

Знахарка сказала.

За миг до этого, если бы кто-нибудь предложил мне спор: что именно скажет наставница, и если бы залогом в этом споре была моя собственная голова — я бы не колеблясь ее заложила, утверждая, что знахарка скажет что угодно, но только не то, что она произнесла. К счастью, такого спора не было, и голова моя осталась на месте. В отличие от ушей, которые, не будучи оглушены вином, свернулись и засохли, как жухлые листья.

Ибо моя духовная наставница произнесла фразу, искусно составленную из отборнейшего мата.

Я остолбенела, схватилась за уши и без сил опустилась на землю. Это было для меня слишком. Ненормативная лексика, от которой мы бережем своих детей, которая режет нам слух и всегда выдает человека невежественного, грубого — древнейший заговор, с которым наши предки обращались к силам природы? Я глубоко вздохнула раз, и второй, и третий; голова прояснилась, я начала что-то соображать, вспомнила, и, подбирая слова, чтобы не обидеть наставницу, сказала:

— Домна Федоровна. Вы меня простите, конечно, но... В общем, есть такое мнение в ученой среде, что эти слова пришли в русский язык не так давно и начало они свое ведут со времен татаро-монгольских орд.

— Ото как же, — сыронизировала знахарка. — Неграмотная донская бабка, откуда же мне знать ученые мнения! Не от дедов же, которые с татарвой родичались еще с Батыевых времен!

— Ну... тем более, если родичались, — извиняющимся тоном произнесла я.

— Это татары от нас переняли и на свой лад гуторить стали. А исконные слова — наши, славянские, и не надо их на татар перекидывать. И стыдиться не надо, нету в них стыдобы никакой.

— Если нету, почему ж тогда их нельзя где угодно употреблять?

— А вот оттого и нельзя, что они к силам обращены таким, которые будить да призывать без нужды не след. То слова потайные, крепкие, и использовать их может не всякий человек и не во всякий час. Но к этому вернемся с тобой чуть погодя, а сейчас расскажу тебе, откуда слова эти идут: ты, ученая, про то ведать как никто другой должна.

Она как-то грузно вздохнула.

— Ключ ко всему языку тайному есть слово «п...». Это что мы сейчас употребляем, но такое звучание его не исконное. Раньше него было другое слово, что мы детям сейчас говорим, когда органы эти обозначить хотим. Оно, в свою очередь, исходит от глагола «писать», а тот — от двух древних слов — «пити» и «соути», что значит — извлекать воду, изливать, а еще — очищать. Органы нижние древнему человеку представлялись изливающими, оплодотворяющими, рождающими и очищающими. И представление это было верное, и осталось верное. А женское лоно, обозначаемое этим словом, роднилось с матерью-землей, в которую все живое, умирая, уходит, и из чего рождается вновь. Она и мать, она и могила. И называя ее, посылая друг друга в нее, древние предки наши не оскорбить своего ближнего хотели (как делаем это мы), а воздействовали на него самой великой силой вечного обновления и возрождения. Теперь чуешь разницу?

— А другие слова? — я была потрясена.

— И другие тоже. Ты азбуку старославянскую когда читала у меня, тебя, помнишь, буква «херь» смутила?

— Да, вы еще сказали, что это — крест, хотя у меня были другие ассоциации.

— И те ассоциации тоже верными были. Херь — он и крест, и мужской орган одновременно. Кстати, в форме его крест как раз и увидишь, если воображению волю дашь. И ничего кощунственного в том не будет: орган оплодотворяющий, живодающий — так же свят, как и солнце (крест, ты помнишь, солярный знак), как Животворящий Крест Господень. Таким побытом, опять же самое известное выражение — «иди.....» — сулит не что-то дурное да грязное, а лишь пожелание оплодотворения.

— Ну, а по матушке так называемые «ругательства», — предупредила знахарка мой вопрос, — которые всеми воспринимаются как страшное оскорбление, также во время досюльное ничего плохого не значили. Глагол «ети», от которого произошло известное всем слово, отделился от слова «се-ети», то есть, сеять, что тоже читаем как — оплодотворять. А плодотворность, беременность для женщины во все времена считалось и признаком здоровья, и счастьем величайшим, и самым святым и праведным женским предназначением. Так можно ли обижаться, ежели кто-то самой дорогой для тебя женщине — матери твоей — желает здоровья, и счастья, и радости женской?

— Но сейчас, Домна Федоровна, никто так не думает. Да и говорится оно вообще не применительно к матери. Во всяком случае, никто про это не думает, если кого-то матом ругает. А бывает, и никого не ругает, а просто вырвется нечаянно, если, к примеру, утюг на ногу упадет.

— Кого, кого! Вырывается именно — на кого. Вырывается на силы природные! И кстати, в таких вот ситуациях от этого и в самом деле легчает!

— То, что легчает, это точно, — грустно усмехнулась я. — Только оттого не легчает, когда дети в школе матерятся или девушки молодые. Наоборот, противно становится и очень стыдно.

— Также верно мыслишь, — одобрила знахарка. — А потому что девушкам да детям вообще такие слова употреблять не след. И в древности так было, и сейчас сохранилось. Бо силы земные, умирание-рождение, энергию в себе тяжелую несут, с которой только мужское начало справиться может. Да и то не во всяком возрасте. Крепкие словеса употреблять могли только женатые мужчины, у которых хотя бы одно дите родилось уже. А девкам, бабам да детям — ни в коем разе не можно было! Сила, она ведь сила и есть: либо ты ее обуздаешь, либо она тебя увлечет. Ты вот почувствовала, как земля захватила тебя, в себя втянула. Но тут не одна ты, я рядом с тобою, оттого не опасно тебе было силу земли на себе испытывать. А женщина, которая всю дорогу матом разговаривает, себя во власть силам этим древним отдает. И они ее приземляют начинают, опускать на самый низ, и падает она все ниже и ниже... А хватит ли сил у ней подняться да вновь возродиться?

— Зачем же вы мне все это рассказали и заставили пережить, если мне все равно нельзя использовать эти слова, ведь я женщина?

— А затем, доня, чтобы ведала ты корни языка своего и знала, что нету в нем ничего стыдного да нечистого. Вся стыдоба да нечистоты только от неразумения идут.

— А накормили-напоили так тяжело зачем?

— И это не просто так. Пища скоромная да вино живот наполняют, кровь книзу приливать заставляют. Предки наши на Масленицу да на Пасху зачем чревоугодничали без меры, ты как думаешь?

— Ну, не знаю... перед великим постом наестся до отвала, и после него...

— Вот и глупости ты думаешь. Обьедались они именно для того, чтобы утяжелиться, к земле приблизиться. Ну, и выводящие органы подхлестнуть, чтобы шибче пищу перерабатывали. Кстати, в это

время — в Масленицу и на Пасху — ладно было, коли кто дитя зачнет. Земное время, плодотворное. Так что, донюшка, что и г...., и земля, и писы, и семя мужское, и семя женское — все это один и тот же низ, одна и та же энергетика — выбрасывающая, умирающая и возрождающая. Вот тоже из древности нам дошли выражения «нас....ть на тебя», «наплевать», «начихать». Все это отсылает туда, вниз, в грязь, в землю, — отсылает, чтобы умереть, разложиться, землю очиститься и восстать новой жизнью.

— Ах! — я вскочила, как ошпаренная: к моей босой ступне, зарытой в сено, кто-то прикоснулся чем-то мокрым и холодным.

Знахарка разбросала сено: под ним возвышалась кучка свежей рыхлой земли. Она рассмеялась:

— Ну, доня, вот и в тебе забил родник силы земной.

Я непонимающе посмотрела на нее.

— *Крот, — объяснила она. — Принял тебя, стало быть, не за человека, а за камушок альбо за корягу. Теперь можешь считать — приняла тебя мать-земля, раз крот в тебе рыться собрался, как в ней, родимой.*

— *То-то он удивился, — сказала я. — Визжащий камень! Или коряга!*

И мы залились тяжелым земным смехом — возрождающим, обновляющим, празднующим вечную весну.

[1]Глава 7

[1]Слово черное

В ночь с пятницы на субботу Алексей Петрович и Федор ездили на Дон за «лопушиной». Рыбалка удалась: четыре короба уснувших сомов стояли на траве, наполняя пространство запахом реки. Утреннее солнце припекало, рыба требовала немедленной обработки. У Ирины сегодня были уроки, поэтому чистой рыбы мы с Домной Федоровной занялись вдвоем. Это была монотонная, неприятная работа; в иное время меня бы это немало напрягло, но сейчас, после всего пережитого здесь, я спокойно и ловко выгребала внутренности, отстригала плавники, выворачивала жабры и продевала сквозь них алюминиевую проволоку, подготавливая рыбу к засолке. Обработанных сомов я складывала в большой таз и тут же накрывала марлей (запах рыбы привлекал ос и мух). Полные тазы Федор уносил под навес, где обильно смазывал рыбу солью, заворачивал в марлю и подвешивал за крючки к потолку.

С работой мы управились только к двум часам дня. После обеда резко кинула жара, в воздухе запарило.

— Гроза идет. — озабоченно заметил Алексей Петрович и отправился закрывать ульи.

Мы с хозяйкой спрятались от жары в хате-больнице.

— А знаете, Домна Федоровна, — сказала я ей, смахивая со лба капли пота, — после того, как я узнала от вас о потайном слове, во мне стало гораздо меньше брезгливости. Раньше от одной мысли, что придется чистить рыбу, мне становилось дурно. Видно, и на самом деле, когда проникаешь в потайные слова, это как-то тебя снижает (я в хорошем смысле), приближает к земной действительности, укореняет в ней и помогает найти смысл и даже удовольствие в простых заботах. Кто бы мог подумать, что потайное слово обладает такой силой! А ведь прежде мне было невообразимо трудно слышать мат, и уж тем более говорить. Да у меня даже в злобе язык не поворачивался произносить его, во всяком случае, прилюдно. Если

я на кого и ругалась дурными словами, то слова эти, хоть и были распоследними, но все-таки принятыми в обществе.

— Лучше б ты материлась, — вздохнула знахарка.

— Как так лучше? — опешила я. — Вы же сами сказали: женщине нельзя.

— Нельзя. Но ежели злоба изнутри прет, да так, что терпеть не можешь, должна высказать, что накопело, то лучше действительно — поматериться. Не вслух, не при людях, а в пустоту.

— Как — в пустоту? — не поняла я.

— Ну, в любое пустое пространство. Да хоть в кулек целлофановый, раскрой его, поднеси к лицу и облегчи в него душу тихонько.

— А потом что с ним делать?

— Выкинь альбо сожги. Да и хоть так оставь — сила из него потом сама вниз уйдет. Не в том суть.

— А в чем?

— А в том, что в злобе кидать в мир слова черные — хуже нет занятия. Вот оттого и случается и порча, и сглаз, и хвори, и беды разные.

— И что же делать тогда? Ведь не злиться совсем — не получится...

— Отчего ж не получится. В Спас когда полностью войдешь — вообще злиться перестанешь. А черное слово говорить нельзя ни в коем разе. Да и слышать не рекомендуется. Но уж ежели услышала, да еще на себя — отражай удар. Иначе и тебе, и тому человеку, кто сказал, худо придется.

— Да как же их отразить, если не тоже черными словами, — недоуменно протянула я. — А это ведь значит удваивать слово злое: он скажет, и я скажу...

— Отражать черное слово злобой нельзя ни в коем разе! — строго сказала знахарка. — Давай-ка, доня, все по порядку...

За окном гроыхнуло небо и резко зашумел сад, растревоженный внезапно поднявшимся ветром.

— Окромья сил божественных наверху и природных внизу, существуют еще силы худые, поганые, губительные. Через них в мир болезни и беды приходят. Силы эти в своем мире живут, однако в наш стремятся беспрестанно и все ворота ищут, где бы к нам, в мир Божий, войти. Да только ворота те просто так не отворяются, надобно, чтобы кто-то с этой стороны отпер их. А ключ к этим воротам — слово черное. И всякий раз, как говоришь дурное, ты ворота злу растворяешь и даешь ему тут куражиться да пакостить.

— Значит, люди, которые все время говорят гадости, ворота эти открытыми держат, — вслух задумалась я. — А знаете, тетя Домна, мне кажется, что они знают о воротах зла и будто специально его в мир выпускают. Во всяком случае, когда я вижу по телевизору некоторых деятелей, я просто уверена — они своими словами нарочно увеличивают количество зла во вселенной.

— Так оно и есть, то ты верно мыслишь. Оттого мы и телевизор не смотрим, что злоба с него так и льется, хоть тазики подставляй. Вообще эта штука в доме ненадобна. Так, разве что кино какое доброе посмотреть по видео. А чтобы каналы включать — Бог спаси! Только мозгам да дому вредить.

— Ну мозгам — согласна, да дому-то оно как вредит? — удивилась я.

— Самым тяжким побытом. Слово — это ить вибрация, мы ж гуторили с тобой. Или думаешь, ежели слова худые с телевизора звучат, а не от человека живого исходят, они силу свою теряют?

— Ну да... Это же всего лишь техника!

Знахарка посмотрела на меня так, словно сомневалась в моих умственных способностях.

— Значить, на тебя техника не действует? Тебе никогда худо не становилось от того, что по телевизору видела?

— Становилось... На ночь вообще не могу его смотреть: вечером, как назло, показывают или криминал, или ужасы. Я после этого заснуть не могу, и кошмары снятся.

— Так ведь это всего лишь техника!

— Это-то и странно.

— А ничего странного нету. Техника, не техника — вибрации во вселенной одинаковы. А что зараз сотни тысяч людей слышат слова черные, то делает телевизор да радио стократ опаснее. То же — газеты-журналы. Когда один человек тебе дрянное скажет, куда еще ни шло, с этим справиться можно. А ежели слово миллионами услышано, на столько умов, душ, восприятий помножено — оно силу свою ровно во столько раз увеличивает. А у нас ведь смотри: по одному каналу плохо скажут, а другие подхватят. И начинают раздувать! Где-то стряслось горе, а камень на душе у всей страны. Ладно, коли сильный человек. А коли нет? И пошло-поехало: кто-то гадостей с утра наслушался, настроение упало, внимание снизилось, мысли в дурную сторону потекли. Тут и ссоры, и несчастные случаи... Я гуторила тебе: слово — семя. Вот одно семя дурное пало (другими же мерзостями сдобренное), и расцвело новыми бедами. Да ладно еще телевизор альбо газеты: сегодня сказали — через неделю все забыли. А книжки дурные — это лихо так лихо. Они-то долго живут, долго семена зла в сердцах возвращают. Особливо те книжки, над которыми думать не надо. Ты посмотри: сейчас люди в основном такие и покупают, якобы для отдыха умственного. Чтобы, значит, мыслить не требовалось, напрягать мозги. Одно не разумеют: когда разум дремлет, любая пакость в душу проникает беспрепятственно. Душа засоряется, глохнет, перестает добро от зла отличать. И уж человек сам не замечает, как начинает подличать, обманывать — и думает при этом, что все хорошо, все так тому быть и надо!

— Сон разума рождает чудовищ... — вспомнила я.

— Еще каких чудовищ! — согласилась знахарка. — Вот и талмуды чернокнижные в старину не лишь потому жгли, что там про дела сатанинские писано было, а чтобы задел дурной на будущее не оставлять. Так что гласность эта хваленая нынешняя мало чего хорошего принесла.

Я покачала головой.

— Тут я с вами не согласна, Домна Федоровна. Да, гадостей говорится и пишется немало. Но свобода слова много людям дала. Посмотрите — страх ушел, и к остальному миру мы повернулись. Володю моего раньше — что, выпустили бы за границей работать?

— Дитё ты дитё... — вздохнула наставница. — Вроде разумная, а повторяешь за теми, кто с телевизора потоки зла пускает. Раньше мужа твоего и здесь ценили бы так, что и за граница не понадобилась. Ну да не в этом дело, — отмахнулась она. — А в том, что информацию, что много раз повторяется, отсеивать надо. Отделять зерна от плевел.

— И что же теперь? Цензуру возвращать? Народ оболванивать? Жизнь-то надо с разных сторон показывать. У человека выбор должен быть!

— Ну хорошо. Выбор. А ребенку малому ты тоже выбор предоставляешь? Небось, дитё свое появится — будешь за ним бегать да глядеть, чтобы не лазил где попало. Ты ж пойми: люди в большинстве своем хуже детей малых: зло читают, зло слушают — и не понимают, где ладное, а где худое, где правда, а где брехня. Ну да, — спохватилась она, — об том речь лучше не заводить, то тема опасная. У тебя Спас есть — он тебе лучшая цензура на всякий выбор. Любое слово законом Спасовым мерить станешь, там и поймешь, где что в мире этом находится, на каком полюсе.

Свет в окошке померк. День налился свинцом. На сад плотной стеной обрушился дождь, так что деревья стали неразличимы, все слилось в одну серо-зеленую массу. Дверь отворилась; снимая на ходу винцераду, вошел Федор.

— Ты помидоры закрыл? — спросила его знахарка.

— Закрыл. Лишь бы град не пошел: пленка вряд выдержит.

— Ну так брезент возьми! — полусердясь сказала хозяйка.

— Зараз, — ответил сын. И блеснул глазами. — Дарья, сможешь?

Я закуталась в плащ из полиэтилена и мы пошли накрывать теплицы брезентом. И вовремя: только управились, как по двору забарабанил крупный град. Осколки льда были такими крупными, что я испугалась — как бы не пробило крышу. Федор, однако, успокоил меня: оцинкованный шифер, которым покрыты все хуторские строения, выдержит, даже если с неба посыплется камни.

К вечеру гроза прошла, но небо от горизонта до горизонта затянули плотные, как валяная шерсть, мышастые облака. Стемнело рано.

Домна Федоровна вернулась к разговору о черном слове.

— Злой умысел, доня, в том всегда и состоит, что беды выпускают наружу не собственноручно творя, а с помощью одних лишь слов. Вода по капле камень точит, а словеса не по капле текут, а ровно реки полноводные. Так люди и живут, в этих потоках скверны. Знаешь ведь: во времена прежние посланцы дурные вести приносить боялись — наказать могли. И не оттого, что те, к кому вести несли, все до единого деспоты были. А оттого, что энергетика слова дурного саму беду увеличивала стократ и туда, где все благополучно да справно было, приносила разрыв, раздор, расстройство. Но вести, хоть и дурные, ежели они к тебе либо к ближнему твоему относятся, хочешь не хочешь, а знать надо, тут ничего не поделаешь. А вот с телевизора многие вести вообще никому не надобны. Мало ли что плохо где-то, где нас нет и не будет никогда? Надо ли тебе чужое нестроение? А ты слышишь про то, альбо читаешь — и оно к тебе переходит. Конечно, ближнему в несчастье нужна и помощь твоя, и сострадание. Но дальнему помочь ты не можешь, да и всему свету не насочувствуешься. Ты себе помогать научись. Вот ежели каждый бы про себя думал, как ему-то жизнь свою справно обустроить, в соответствии с гармонией природной, тогда бы и лиха не знали. А еще то худо, что человек дрянь эту слушает про катастрофы-убийства и перестает осознавать, что он живет не всеми жизнями сразу, а только своей богоданной жизнью и своей судьбой. И думать начинает, что все на этом свете хрупко, случайно, непрочно.

— Ну да, — подтвердила я. — Так и есть — хрупко, случайно, непрочно. Я вот, например, вообще не знаю, что наперед будет.

Знахарка тяжело, с глухим стоном, охнула.

— И для чего только, доня, ты три года Спасу учишься? Каждый Божий день я тебе твержу: ничего случайного да ненужного в твоей жизни нету. И не только в твоей, а в жизни любого человека. Любого, доня! Несчастья, горе, нестроения, проблемы, хвори — то все дается не просто так, запомни это раз и навсегда. У всякого путь свой. Кому-то он, как тебе — Путь. А кому-то — путь к Пути. И на малом пути, и на великом человеку посылается только то, что надобно ему. Ежели валяются беды, значит, ему через это пройти треба. Но до тех пор, пока он думать будет, что жизнь несправедлива, так и останется в бедах до самой смерти. Все пенять горазды на Бога, на родителей, на страну, на правительство, на время, в котором живут. Да только никто вглубь себя пойти не хочет, заглянуть — а там-то что не так, что во внешнем мире все несправно? Человек-ить — это вселенная, все-все содержит, что в большом Космосе есть. Коли в душе мир у тебя будет, то и снаружи все устроится.

Я возразила:

— Нет, Домна Федоровна, я не согласна. Жизнь — штука несправедливая. Я столько знаю людей — добрейших и талантливейших, в которых зла и капли нет, а жизнь у них далеко не сахар. Зато преступники живут как у Христа за пазухой... Да вы и сами это знаете.

— Не суди, доня, о людях по внешнему впечатлению. То, как человек на виду живет — всего лишь скорлупка. А что у него внутри, никто знать не может, иногда и сам человек того не ведает. Ты о людях суди по тому, каковы они в несчастье своем, и как из того выходят. Коль одни жалобы да на судьбу проклятия — значит, не так добр человек, как оно тебе кажется, значит, на душе у него камня черные. Мудрый человек с бедой борется, альбо смиряется.

— Так я таких и знаю, которые не жалуется, а смиряются! Из-за этого смирения мне и жаль их...

— Ну, ежели тебе смирения их жаль, то оно не смирение совсем.

— А что же тогда?

— Гордыня.

— Как — гордыня? Какая же гордыня в несчастье?

— А такая и гордыня, что человек прибедняется и беду свою, ровно болячку, расковыривает. Все несчастья мы всегда получаем не иначе как по суду Божьему. А в гордыне человек вместо того, чтобы признать — да, суд это, и поделом досталось, он красиво говорит: «испытание мне боженька шлет». Боженька испытаний более как человек снести может, не пошлет никогда! Да и чистому сердцем испытания ненадобны: он и так мир приемлет во всей полноте его. Всякая беда — это суд Божий, и для того он человеку назначен, чтобы тот осознал грехи свои, нашел зерно несчастий.

— А если он хочет это зерно найти — искренне хочет, но не может никак? Ну вот не понимает он, за что это ему?

— А не понимаешь — так пойди и покайся. Скажи: «прости меня, Господи, не разумею, за что судишь меня, но отпусти мне грехи мои ведомые и неведомые, и устрой все по воле Твоей». Но уж тогда — отдайся полностью в руки Божьи. А Он устроит, ты только доверяй.

— Ну, это сложно, — сокрушилась я. — Мне до такого смирения никогда не дойти.

— А ты иди по шажочку, и дойдешь. Покамест не дошла, на то молитвы есть. Стрясется беда — помолись, но вперед все равно покайся. Одначе, мы отвлеклись с тобою. А гуторили про слово черное. Так вот, кто слово черное наружу выпускает, тот в мир этот открыто гадит. И нарочком частенько люди худое говорят. Ведь как случается: дни у тебя выдаются хорошие, покойные, счастливые. Кто-то посмотрит завистливым взглядом и проронит тебе, как бы невзначай, что-то кровавое да страховитое. Я не говорю про то, когда друг к тебе придет с бедой: тут святое дело его утешить или помочь чем, чтоб полегчало ему. Но ведь часто кажут не про себя, а Бог знает про кого (может, даже и ни про кого, а набрешут), чтоб только настроение тебе испортить, чтоб счастьем не светилась. Тебе на сердце от вестей дурных тяжело становится, а тот человек радость от тебя забирает, и всю энергию с ней. Вот это и называется удар энергетический. Такие удары нам каждый день и от телевизора, и от людей сыплются. А удар держать надобно.

— Как держать, Домна Федоровна?

— Как природа-матушка его держит. Ты ж заметь: в ней постоянно что-то случается, кто-то помирает, хворает, страдает, горит, а ей хоть бы что. Вот тут — пожар, катастрофа, смерть, а отойди подале — цветы цветут, деревья плодоносят, птахи свишут, как будто и не происходит ничего. Есть для того словеса нехитрые, в которых мудрость природная эта сокрыта. Как будут тебе про дальние беды-несчастья гуторить, ты скажи про себя: "полмира плачет, полмира пляшет". Все, доня, в этой вселенной есть: и

страдания, и радость. Только тебе выбирать, что ты возьмешь, что надобно тебе сейчас. Потому к скорбям чужим с мудростью относись, а ежели ближнего твоего лихо коснется, тоже в истерику не впадай. Здравомысленно рассуди — чем ты-то помочь сможешь? Увидишь: здоровый да трезвый человек на любого, отчаянным охваченного, действует лучше всякого лекарства. Спокойствие твое — первая помощь. Потом уж и думай: что сделать? Деньгами ли помочь, делом или Словом? Слово в помощь лучше всего (ежели, конечно, через Логос ты его проносишь, только думай, какие именно слова). Ничем помочь не можешь — просто помолись вместе с человеком тем о бедах его. Не может он молиться — сам за него помолись. А в сердце чужих скорбей не бери. Будь как хороший врач: он, хоть больному и сочувствует, но при виде язв чужих в отчаяние не впадает. Да и свое-то горе сильно не переживай. Как первые слезы отплачутся, так покайся, помолись и вглубь себя спутешествуй, разберись, отчего беда пришла и к чему вывести может.

— Полмира плачет, полмира пляшет... — повторила я, дивясь успокаивающему действию поговорки.

— Да. Так и говори. А на того, кто тебе скверную весть принес, не реагируй. Он посмотрит-посмотрит, что ты и раз, и два, и три спокойной остаешься, и не будет больше к тебе с ерундой приставать. Бо все, что от тебя не зависит, есть ерунда, и прах. А прах отрясать следует с ног своих. В небо глянь: каждый миг там умирают целые вселенные! В которых тоже есть и жизнь, и Дух. Но ты ж про это не скорбишь! Отчего ж тебе скорбеть, коли умрет вселенная в лице другого человека, которого ты знать не знаешь?

Воцарилось молчание: я обдумывала слова наставницы, она отдыхала от долгих речей. Несмотря на то, что прошла гроза с градом, в хате было душно, словно дневная жара, спасаясь от ненастья, нашла себе укрытие именно здесь. Мы раскрыли окна и вышли на веранду отдышаться. В воздухе пахло дынями, двор был усыпан белым и душистым: град сбил остатки цветов с кустов жасмина. Я с наслаждением глубоко втянула ночную свежесть, будто напилась ключевой воды.

— В такую погоду не хочется думать ни про какие черные слова, — тихо сказала я.

— А придется думать, ничего не поделаешь, — по голосу знахарки я поняла, что она хмурится. — Учение до конца тебе пройти надобно. Так что пошли, чайку глотнем и продолжим.

Она заварила травяного чаю из прошлогодних запасов (чабрец, шалфей и зверобой), добавив в него каштанового меда, привезенного Федором из Кисловодска. Это меня удивило: мед каштана считался сильно тонизирующим, а дело уже к ночи...

— Силы тебе сегодня еще понадобятся, — ответила на мой невысказанный вопрос знахарка. — Да и мне тоже. Практика нам трудная предстоит.

Мы напилась чаю прямо на веранде и вернулись в хату. Свежесть, приправленная ароматом битого градом жасмина, выгнала духоту. Для выполнения трудной практики я привычно села за стол под Стодарник, однако знахарка пошла к себе в кабинет и позвала меня.

— Перед тем как в слово черное проникать, еще скажу тебе. Окромя того, что во зле говорится, есть еще проклятое слово. Оно всего опаснее, бо душу из человека вынуть может.

— Как так — душу?!

— А вот так. Коли чужой проклянет — болеть будешь, а ежели родной человек в сердцах к нечистому отошлет, то и вовсе души лишиться можно.

— Ну как же так, без души-то... — недоумевала я.

— Ты про детей перевернутых слыхала когда-нибудь?

— Нет.

— Значит, слушай. Бывает так: мать или отец в сердцах на дитя прикрикнет: "Чтоб тебя Луканька побрал!...", и ежели слово то в час урочный попадет, то и унесет дитю Луканька-то.

— А Луканька — это кто?

— Дух нечистый. У нас не называют его прямо.

— А, черт! — догадалась я.

— Не тут, не при нас будь сказано! — тут же вскрикнула знахарка. — Доня, я ж тебе говорила: нельзя называть! Позовешь — он и прискачет!

— Так вот, — продолжила она, успокоившись, — не прямо дитю унесет нечистый, а душу вынет из него. И станет тогда дитё — не дитё: и глупое, и капризное, и злое. Много таких случаев бывает, и коли мать не очнется, да душу не вернет, так и останется дитя маяться на всю жизнь без души.

— А как мать может душу вернуть?

— Это, доня, сложная штука. Чтобы перевернутому дитю душу вернуть, надо снова родить его, да снова в церкви покрестить.

— Домна Федоровна... Да как же можно снова ребенка родить-то?

— Ну, не прямо конечно. Для того обряд есть особый: с молитвой и приговором дитя либо в печке перепекают, либо под подолом у крестной матери протаскивают. И тогда она уже считается его матерью родной. Да то не проблема. Вот перекрестить — действительно труд. За то не всякий священник возьмется, бо после этого ему самому с лукавым делом придется иметь.

— А если... не говорить священнику, что второй раз в жизни крестят?

— Батюшку обманывать — грех большой. Двойной грех: на себя берешь обман, и на него вешаешь. Да и не помогут такие обманные крестины. А проклятий, доня, бойся и никого не проклинай никогда, и пустого не желай, и к нечистому не отсылай. Тут даже потайное, матерное слово не так страшно. Обматеришь кого в сердцах — так от него не убудет ничего, лишь ты себя силам земным во власть отдашь. А вот проклянешь — тут и человеку худо, и тебе беда. Бо кто злое другому желает, на себя же беду кликает. Только беда не сразу после сказанного приходит, вот и думается, что ничего оно.

Наставница поднялась, дав понять, что беседы окончены. Мы отправились в кухню-гостиную, место наших обычных практик. Но сразу под Стодарник садиться не стали: для предстоящей практики требовалась особая подготовка. Мы отодвинули стол, на его место ворожея постелила круглый плетеный коврик, велела мне сесть на него, на колени. Вокруг меня, на полу и на лавках она поставила множество высоких и толстых свечей; я поняла, что практика будет долгой, может быть, даже до самого утра — такие занятия длятся, пока не догорит последняя из свечей. Когда свечи были зажжены, она сказала мне дышать, как обычно, с погружением в солнечное сплетение, с той только разницей, что вместо молитвы, я должна была концентрироваться на одном из черных слов. Слово это было — "сволочь". Перед тем, как погружаться в него, мы вместе прочли семь покаянных молитв, отчего внутри у меня очистилось, стало пусто и легко. Наконец, надышавшись до глубины сердечной, я начала повторять черное слово. Не вслух: в мир его выносить было нельзя, а про себя, погружая, как и молитву, в сердце духовное. Я произнесла его мысленно всего лишь раз десять, как почувствовала внутри себя нечто жгучее и тяжелое, словно кусок раскаленного свинца. Все еще повторяя черное слово, внутренним взором я посмотрела, что меня так жжет. Это была небольшая черная дыра, размером с кулак, в него, как в глубокий колодец, стекались ошметки чего-то темного, ядовитых цветов. "Сволочь — вот они и сволакиваются" — пришло мне на ум, и меня пронзила точность этого образа: ошметки зла не текли, не ползли, а именно — сволакивались, словно черная дыра в моем сердце тащила их, подцепив на невидимые крючки. Дыра становилась все больше, все жгучей, и меня

затошнило; казалось, что она прожгла желудок. Я остановила дыхание, перестала повторять слово, но наставница крикнула:

— Продолжай!

И мне пришлось продолжать. Черная дыра разрослась до размеров тела, затем поглотила меня и стала заглатывать пространство вокруг меня, стремясь растворить в себе и наставницу, и комнату, и дом; что-то, однако, мешало ей. Я посмотрела: это был круг из свечей, чернота обжигалась об огонь, и, шипя, отступала прочь. Но мне, находящейся в эпицентре этой ядовитой черноты, огонь не помогал, я падала в темноту все ниже и ниже, чувствуя в душе невыразимую тяжесть — такую, какую должны чувствовать грешники в преддверии Страшного суда. Меня волокло в тесную воронку, обдирая кожу о неведомые стены — одновременно склизкие и острые, точно из них росли смазанные ядовитым клеем шипы. Уже устав от падения, чуть не теряя сознания, я вдруг почувствовала внизу чье-то смрадное дыхание. Меня охватила дрожь, тело затряслось, зубы стали отбивать нервную дробь; преодолевая страх, я глянула вниз. Увиденное потрясло меня. Сотня глаз — страшных, злобных, черных — смотрела на меня из глубины ядовитой дыры. "Свора адских псов, — поняла я. — Еще немного, и они бросятся и сожрут меня". Но не так ужасала меня собственная участь, как то, что черные псы вырвутся в мир и одному Богу известно, что они смогут там натворить. Только я вспомнила о Боге, как стало светлей: я увидела, что псов что-то сдерживает. Я присмотрелась: это была тонкая решетка, как бы сплетенная из какой-то серой энергии. Стало ясно, что разрушить эту решетку можно одним словом — именно тем, с которым я погрузилась на это зловонное дно. Но почему же псы до сих пор не на свободе, ведь я столько раз повторила его? Псы словно услышали мои мысли, и в их злобных глазах появилась немая просьба: скажи! "Сказать вслух — вот что им надо!" — догадалась я.

— Не дождетесь! — крикнула в глубину.

И тут же все исчезло.

Я открыла глаза. Свечи погасли. За окном светало. Я в бессилии повалилась прямо на пол, на дымящиеся огарки. Все мои жизненные силы остались там, на черном дне. Теплая рука целительницы приподняла мою голову и напоила чем-то сладким прямо из носика чайника.

Я проспала ровно сутки, до следующего утра. Не снилось ничего. На рассвете меня разбудила наставница, велела одеваться. Мне очень хотелось пить, но она не дала мне даже воды.

— После, — коротко ответила она.

Мы шли в станицу через степь, по мокрым высоким травам. Стебли изредка хлестали меня по лицу, оставляя росистый след; я жадно слизывала его. Был вторник, на ранней службе в церкви стояло человек пять. Я исповедовалась и причастилась; запивая вино, выпила три чашки напитка и еще святой воды из серебряного бочонка. На обратном пути жажда как-то исчезла сама собой.

— Ты прости меня, дадуня, что я тебе позволила пережить все это, — сказала мне после завтрака ворожея. — Но я решила, коли ты в молитву проникла так глубоко, то и в черноту тебе погрузиться надобедь, чтобы Слово тебе открылось во всей полноте своей, снизу доверху. Я знаю, как тяжело это. Не всякому дают это учителя духовные, однако ты выдержала.

— А эти... псы... — у меня не было сил даже закончить вопрос.

Она поняла.

— Каждый раз с цепи срываются, как злое говорится. Чуешь теперь?

Я тихо кивнула головой. Конечно же, это так. И первый, кого сжирают они — тот, кто сказал злое.

[цитата]

[3]*Литургические молитвы для очищения ума*

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Отче Святой, отвержи умные очи сердца нашего и даждь нам воистину познати Тебе, Творца и Бога нашего; сотвори ны сообразны Слову и Сыну Твоему, да вообразится внутри нас Его непостижимый Образ, по нему же создал еси человека; сподоби ны быти селением Духа Твоего Святаго и не ктому селением греха; вложи в сердца наша огонь Божественныя Твоея любви; прииди и вселися в ны вечным вселением со Единородным Сыном Твоим и Духом Твоим Святым.

Душе Святой, Свете неизменный. Свете неизследимый и сокровенный, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия тьмы неведения, напоив ны потоками познания Твоего; возстави ны низложенныя грехом, свобода ны поработенныя страстьми, исцели ны от всякия язвы, таящаяся в нас, причащением Божественныя и нетленныя Пищи, Тела и Крове Христа, молим Ти ся, услыши ны и помилуй.

Господи Иисусе Христе, Единородный Сыне Безначального Твоего Отца, отвержи очи омраченной души моея, яко да и аз разумно узрю Тебя, Творца и Бога моего.

Молю Тебя: не отвержи мене от Лица Твоего, но, презрев все мое окаянство, всю мою низость, яви мне свет Твой, о Свете Мира, и даждь мне познать любовь Твою к человеку.

О Сладчайший Христе, от Отца ниспославый на святыя Твоя ученики и апостолы Духа Святаго, Сего, Благий, ниспосли и на ны недостойныя и тем научи ны познанию Твоему и открий нам пути спасения Твоего.

Возсияй ми. Боже, Боже мой. Свет Твой истинный, яко да во свете Твоем узрю и аз Славу Твою, яко Единородного от Отца, и да вообразится внутри мене Образ Твой непостижимый, по нему же создал еси человека.

О Боже, Спасителю мой. Свете ума моего и Крепосте души моея, да вселится в мене доброта Твоя, да пребуду и аз непрестанно в Тебе, присно нося в себе Духа Твоего Святаго, иже да даст ми уподобиться Тебе, Единому Господу моему, якоже быша подобии Тебе вей от века святыя Твоя.

Ей, Господи Иисусе Христе, по неложному Твоему обетованию, прииди со Отцем и Духом Святым и обитель Твою сотвори внутри мене.

Аминь.

[конец цитаты]

[1]Глава 8

[2]Слова благие

Когда я писала свой заговор от тоски, то думала, что придет она не скоро, и даже не сразу после моего отъезда с хутора, и вообще — из страны. Но тосковать по синему Манычу, по вольной донской степи, по милому сердцу Калитвинскому хутору я начала за неделю до того дня, как поезд увез меня от золотого солнца, от черной и глубокой, как очи казачки, донской ночи к бесконечному северному дню. Тоска влетела в сердце с утренним ветерком, когда на рассвете я пришла к родничку-аксаю и вдруг поняла, что мне здесь осталась всего лишь неделя. Каждый день я старалась растянуть как можно дольше, вставая до зари и ложась не ранее, чем наглажусь на южные созвездия второй половины мая, россыпно сияющие над донской

степью. И все равно дни мчались, словно степные стрижи. Это было время огорода; уже появились на столе хрустящие грунтовые огурчики, пошла первая клубника. Ее я наелась от души: после множества трудных практик знахарка «назначила» мне восстанавливающую клубничную диету, состоящую из ягод, растертых с орехами и медом и винно-клубничного отвара, прекрасно очищающего кровь. Готовился он так: вино смешивали с водой в соотношении один к одному, столько же — по объему — растирали клубники, все это перемешивали, доводили до кипения и настаивали, пока не остывало. Холодный напиток аккуратно сцеживали. Остатки клубники отдавали курам (чему те были несказанно рады). Пить этот отвар надо было в больших количествах в первой половине дня. До вечера из организма выходили шлаки. Эффект напитка я увидела уже через пару дней: кожа посвежела и очистилась, живот подтянулся, от синяков под глазами не осталось и следа.

Учение о Слове тоже подходило к концу. Я понимала, что многое еще не сказано, ведь так сложилось изначально, что обучение мое проходило урывками, экстерном, в сжатом темпе. Часто я жалела о том, что не имею возможности пожить здесь хотя бы несколько лет, чтобы вникнуть в Казачий Спас до мелочей, раствориться в нем, впитать в кровь и плоть духовное знание донских казаков. Но Домна Федоровна успокаивала меня, повторяя раз за разом, что все «так тому и надо быть, знать, Путь у тебя таков».

К сильным практикам мы больше не обращались, лишь в свободное время беседовали о том, какие еще ипостаси Слова-Логоса остались не открытыми.

— Сильнее любых приговоров, сильнее крепких словес, сильнее проклятий Слово благое, — говорила мне наставница. — Благословение — великий задел, могучую энергию оно дарует тому, кого благословляешь ты. Особливо ценно родительское благословение, оно и в огне не горит, и в воде не тонет. От любого лиха спасет, из любой беды выручит. Ежели бы то родители знали да каждый раз благословляли дитя своё! А ладанка чи образок святой, родителем дарованные, оберегает сильнее амулета. Родительское благословение и с того света действительно, только на могилки к родителям ушедшим ходить надо да в церкви поминать. Тогда и жизнь справной будет, и любое начинание легче примется. Но и не только родительское благословение ладно. Любой человек, в душе хоть каплю добра носящий, благословлять может. А не лишь в церкви батюшка. Гостей, под кров твой входящих, благословлять надобедь, и уходящих от тебя также без благословения не отпускай. Родных своих, родителей, братьев-сестер, детей их — каждый день Божий благословляй. Супруга своего без благословения в мир не отправляй. Да и мир сам в твоём слове благом нуждается. Встанешь утром — и благослови мир, в котором Господь тебе еще один день даровал. Дом свой, город свой, свою страну. С каждым словом благим ты частицу сердца своего ближнему и миру даруешь. И чем больше частиц отдашь, тем больше прибавится сердцу твоему. Так, кроха за крохой, благословляя всё и вся, вырастет сердце твое, станет щедрым и большим, достаточным для того, чтобы Спаса в себя вместить во всей Славе Его Божественной.

— Что это значит — благословлять, и как это делать? — спросила я, до слез тронутая ее словами.

— Перекрестить и сказать: благословляю тебя на всякий час Божий. А на путь молитвы особые благословенные есть, ты знаешь их: «Ангел Божий, твой с тобой, Господь впереди, Мать Божья посредине, а ты (имярек) позади. Благослови, счастливого пути!». Или же другую молитву: «Ангел навстречу, Христос на пути, святой Никола, дорожку освяти».

— Следующее по силе слово благое — благодарность.

— Благодарность это чувство... — тихо заметила я.

— Чувство, в словах выраженное. Иначе благая энергия втуне пропадет, и плода не даст. Мало кто из людей от рождения обладает даром благодарности, а ведь дар этот чудотворнейший из всех людских талантов. Оттого и люди так несчастны, что не умеют благодарными быть. От благодарности лишь полшажка до счастья... Сколько, доня, тратится сил на стяжание богатства, на достижения социальные, на то, чтобы «все было как у людей». Да только счастье всем этим не стяжаешь. А вот ежели благодарным быть за любую малость, судьбой посылаемую, то счастлив будешь до конца дней своих. Но человек, уж видимо, устроен так, что все хорошее принимает как должное, зато на дурное обижаться горазд. А нечего обижаться-то, благодарить Бога надо!

— Как — благодарить? За дурное?

— В первую очередь — за дурное. Ибо все, что случается лихого, то суд Божий, учение тебе от Него. В беде скрывается мостик в Царствие Божие. Как мостик этот отыщешь, так и беда уйдет, и ты к Спасу приблизишься. Не умеешь за беду благодарить — молись, чтобы Он даровал тебе избавление, и любую помощь прими с благодарностью, даже если будет она что тонущему соломинка малая. Ибо Он посылает именно ту помощь, какая надо тебе. За добро же непременно благодарить Его следует. За каждую крохотную радость или прибавление. А радость такая у человека каждый день случается, и не по разу одному. Утром встал — радость, что ночь проспал, и беды не случилось, что день Божий настает, и каким бы он ни был, он дарован тебе, еще один день жизни твоей. За пищу насущную Господу спасибо скажи, за учение, за дела, за работу, что дает тебе блага жизненные. Вечером, как ко сну отходить, тоже благодарность Ему вознеси, что день прошел без лиха, и ты жив-здоров, и родные твои.

— Здесь хорошо Бога благодарить. А дома у себя я к концу дня обычно так устаю, что сил вообще не остается, доползти бы до постели... Даже если я автоматически благодарение принесу, внутри-то ничего не почувствую. Разве это будет настоящая благодарность?

— Усталость или нехватка времени — то, доня, только отговорки от лености душевной. Ежели хотение внутри иметь и устремление стойкое, то и усталость отступит, и время найдется. Другое дело, что благодарностью одарены единицы. У тех счастливых от природы оно, от рождения. А большинству людей учиться надо благодарности.

— Как им учиться этому?

— Ну как... Вот ты получила от жизни что-то хорошее. И понимаешь, что это — хорошее. Неважно, как досталось оно тебе — в дар или трудом тяжким. А чувства благодарности не испытываешь — ну, пришло и пришло. Вроде как оно и надо быть тому. Что тут делать? А все то же: помолиться, покаяться. Сказать Ему, что нет у тебя в сердце чувств, что засох источник любви в душе у тебя. Попроси Спаса простить тебя за это. А потом вознести благодарность от того сердца, которое есть — сухого, каменного, бесчувственного. Нету своих слов поблагодарить — значит, молитвы благодарственные читай. Очень хороши на тот случай молитвы вашего святого, Иоанна Кронштадтского:

[цитата]

Господи! Что принесу Тебе, чем отблагодарю Тебя за Твои непрестанные, величайшие мне и прочим людям Твоим милости Твои? Ибо вот, я каждое мгновение оживляюсь Духом Твоим Святым, каждое мгновение дышу воздухом, Тобой разлитым, легким, приятным, здоровым, укрепляющим, — просвещаюсь Твоим радостным и животворным светом — духовным и вещественным; питаюсь духовной пищей пресладкой и животворной и пью ем таковым же, святыми Тайнами Тела и Крови Твоей и пищей и питьями сладости вещественными; Ты одеваешь меня пресветлым, прекрасным царским одеянием —

Собой Самим и одеждами вещественными, очищаешь мои прегрешения, исцеляешь и очищаешь многие и лютые страсти мои греховные; отъемишь мое душевное растление в державе безмерной благодати, премудрости и крепости Твоей, исполняешь Духом Твоим Святым — Духом святости, благодати; подаешь душе моей правду, мир и радость, пространство, силу, дерзновение, мужество, крепость, и тело мое одаряешь драгоценным здравием; научаешь руце мои на ополчение и персты мои на брань с невидимыми врагами моего спасения и блаженства, со врагами святости и державы славы Твоей, с духами злобы поднебесными; венчаешь успехами дела мои, о имени Твоем совершаемые... За все сие благодарю, славлю и благословляю всеблагодатную, отеческую, всесильную державу Твою, Боже, Спасителю, Благодателю наш. Но познан буди и прочими людьми Твоими тако, якоже мне явился еси, Человеколюбче, да ведают Тебя, Отца всех, Твою благодать, Твой промысел, Твою премудрость и силу и прославляют Тебя, со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Благодарю Тя, Господи Боже мой, за дарование мне бытия, за рождение меня в христианской вере, за Пречистую Деву Марию, Ходатаицу о спасении рода нашего, за святых Угодников Твоих, молящихся за нас, за Ангела Хранителя, за общественное богослужение, поддерживающее в нас веру и добродетель, за Священное Писание, за Святые Таинства, а в особенности Тело и Кровь Твою, за таинственные благодатные утешения, за надежду получить Царствие Небесное и за все блага, Тобою мне дарованные.

[конец цитаты]

— Кроме благословения и слов благодарности другие благие слова есть — пожелания счастья и всякого лада жизненного. И то уж слова совсем редкие: благословляют немногие, благодарят еще меньше, а благожелают и вовсе единицы.

— Что значит — и вовсе единицы? — не поняла я. — Добра желают вообще-то довольно часто.

— Ну как — часто?

В вопросе знахарки мне почудился какой-то подвох.

— Во всяком случае, в дни рождения, в Новый год, да в любой праздник!

— И как желают в такие дни? Какими словами?

— Ну... — я замялась. — Да это же так понятно! Что и объяснить трудно... Говорят: желаю здоровья, долгих лет, счастья в личной жизни.

— Очень хорошо, — знахарка была явно довольна. — И что стоит за такими словами?

В ее темно-синем взгляде я прочитала все.

— Ничего не стоит, — тихо подтвердила я.

— Вот то-то же, что ничего. Вернее, все то же самое — глухота сердечная да лед в душе. Так и поздравляем, так и желаем — что принято желать, а на самом деле ничего не желаем. Это в лучшем случае. А то и вообще, говорим одно, а думаем как раз наоборот. Часто ли добра от души желают? Совсем нет. Пожелания наши не от чистого сердца идут, а от зависти либо от равнодушия под покровами вежливости. Нужны ли ближнему такие-то пожелания? Я тебе говорю — не только не нужны, но и вредны.

— Вы правы, — сказала я. — Когда я читаю открытки поздравительные, у меня возникает чувство неловкости и пустоты. Я часто думаю: лучше бы мне не присылали таких открыток, до того они... недружелюбные. Но, с другой стороны, это тоже все-таки внимание.

— А ты бы задумалась хоть раз: чего ради тебе это внимание без души? Оно об одном говорит — человеку надо от тебя что-то, либо он думает, что в будущем понадобится. Оттого и неудобство у тебя возникает.

— Я опять не соглашусь, Домна Федоровна. Я и сама так поступаю. Даже если мне ничего от человека не надо, просто хороший знакомый. Пишу открытки, или слова говорю — и ничего за ними не чувствую. Поздравления писать вообще не умею. Хорошо, что сейчас есть готовые открытки с пожеланиями в стихах, с картинками необычными. Подаришь такую, и думать не надо.

Знахарка скривилась, словно раскусила лимон.

— Вот он, ключ ко всему! — сказала она. — Думать не надо! А потом удивляешься, откуда в людях столько нечувствия. А как чувствам появиться, коли разум молчит?

— А разум-то тут при чем?

— Да разум всегда при чем! — почти рассердилась она. — Когда разум доброе думает, душа откликаться начинает. И слова находятся где-то в сердце. А ежели от сердца желаешь, то и другое сердце на слова твои откликается.

— И все равно мне непонятно, как разум может сердцу помочь...

— Может, доня. Ну представь: надо тебе пожелать чего-то человеку, а ничего на ум не приходит... И вообще делать тебе этого не хочется, а надо.

— Да, так часто бывает. Все время почти.

— Вот ты разум и призови. Подумай про этого человека. Вспомни один момент хотя бы, когда он тебе понравился, когда поняла ты, что в нем добро есть. Только искреннее впечатление свое вспоминай, что тебя до глубин душевных тронуло, а не то, о чем в покаянной молитве сказано: «доброту чуждую видех, и тою уязвлен бых сердцем». Как такой момент разум вспомнит, душа тут же от сна пробудится. Напиши ему своими словами — пусть неумелыми, нескладными — напomini про тот момент. Пусть он тоже вспомнит про добро у себя в душе. Может, именно сейчас ему это больше всего и надо! Может, гибнет он в пучине страстей мирских, а ты ему напоминанием о добре этом вроде как лесенку подашь. Ежели ты, подписывая открытки либо вслух поздравляя, так о каждом вспоминать будешь, слова у тебя из души сами собой польются. И люди к тебе обратятся доброй стороной души своей. Так дружбу настоящую стяжаешь, а где до дружбы не дойдет, там добрых знакомых отыщешь.

— Ну, а если я вспомнить ничего не смогу? Или эти воспоминания ничего не пробудят во мне?

— Тогда опять же к Спасу обратись в покаянии. Скажи: Господи Спасе мой, молчит сердце мое, прости меня и устрой, чтобы благое, что не с сердцем желается, шло не от камня души моей, но от Слова Твоего Животворящего.

* * *

... Попав в воздушную яму, самолет ощутимо качнулся. Я открыла глаза и посмотрела в иллюминатор. Сквозь пух облаков мелькали зеленые и коричневые кусочки земли, изредка проблескивали синие ниточки рек. Я повернулась к мужу. Володя спал, измученный напряжением финишных перед отъездом дней. Я тоже изрядно устала, хотя месячное пребывание на хуторе дало мне мощный заряд; благодаря ему я справилась со всеми проблемами, традиционно-неожиданно возникающими перед дальней дорогой.

— Вино, минералка, лимонад, — донесся вежливый голос стюардессы.

«Последние русские слова, — подумалось мне. — Что ж, не самые плохие слова. Можно сказать, замечательные. Лимонад, минералка, вино. Сок солнечного плода (пусть и разбавленный донельзя

шипучкой), вода источника, вино... В вине — истина». Вникая в смысл слов, мысли перетекли в воспоминания. Я прикрыла глаза и тут же увидела бесконечную синь донского неба (не такого, как здесь, в вышине — выцветшего и холодного). Густые сады, бело-голубые домики с серебром крыш, кованые козырьки и перила «порожков». Закатный ветер колышет виноградные листья и усы, на темном дереве стола кувшин с другаком и последняя перед поездом беседа о Слове.

— Не сердись на меня, доня, что главное о Слове я тебе оставила на послед. Не от недоверия к тебе, что ты воспринять Знание не сможешь без откровений ярких. Я сама себе доверить боялась передачу учения. То, что самое простое, сложнее всего объясняется. Все думала: а ну как не донесу до тебя, растеряю по дороге то, что и зерно, и урожай? Думала, времени много еще. А тут уже и уезжать тебе.

Она сделала паузу. На лице ее читалось, с каким трудом она подбирает слова.

— Молитвы, заговоры, слово тайное, проклятия и благословения, благодарности — все это сильно весьма. Однако истинное Слово творческое, что жизнь человеческую к лучшему меняет и на Путь выводит, в другом растворено.

— Как — в другом? В чем?

— В том обычном слове, с которым ты к миру каждый миг обращаешься. Ибо молишься ты не всякую минуту — по крайней мере, пока не научилась ты постоянной молитве, заговор пользуешь в жизни несколько раз всего, тайное слово — оно тайное и есть, чтобы знать его, да не употреблять, проклятия да злословия наружу выпускать и вовсе нельзя, благое желаешь и благословляешь тоже не так часто, и благодаришь лишь несколько раз на дню. А то, что говорится все остальное время, слова, нами порой даже не замечаемые — вот они-то и составляют главную мощь Логоса. Потому как текут бессчетно из уст твоих и русло жизни твоей формируют. Каково оно будет, то русло — широкое, прямое, полноводное, чи кривое да порожистое? Тебе решать, но одного решения мало. Для единичного поступка воля нужна и сила немалая, но та воля да сила, что слова обычные обуздать может, ни с какой другой в мире мощью не сравнится. Бо обычное слово — крест наш, под тяжестью которого мы всякий миг сгибаемся. Жить хорошо, счастливо, справно все мечтают, и делают много для того. Но слова реченные все дела перечеркнуть могут, и жизнь, как ни пытайся ее вспять повернуть, все одно в прежнее русло возвращается. Потому что человек скуп на словеса добрые, и все, что говорится им — дурно, либо пусто, что тоже дурно. Тот, кто словом своим дорожит, впустую да в злую его не бросает. Потому праведники истинные так немногословны. А мы? Едва встречаемся, как тут же начинаем дурно говорить. Заметь: при встрече с кем-либо первое, что делаем, это судим кого-либо или что-либо. Но вправе ли мы суд вершить, пока от грехов своих сами не избавлены? Сказано: каким судом судите, тем и вас осудят. Так что, осуждая кого-то — не суть, по злобе альбо от сплетни пустой, мы сами себе готовим суд. Да и про дела свои гуторим неправедно. Либо хвастовство неумеренное, либо жальба необоснованная. Это лишь кажется, что слово в мир уходит беспоследственно. След оно оставляет в вечности и вписывается в книгу жизни твоей. Но прежде всего корень оно в душе имеет, в мыслях твоих. И ежели слово твое пусто, неглубоко, криво, то и мысли твои такие же, и душа. Оттого, коли словом владеть научиться хочешь, то, прежде всего, мысли свои в порядок приведи. Трудно это, трудней на свете всего — заставить думать себя по-доброму. А делать нечего, стараться надо. От малости своей стараться начни, и прибавится тебе. По капле то прибавление будет идти, незаметно оно. От незаметности этой человек обратно в злость впадает, опять судить начинает и думать криво да мрачно. И ты впадешь не раз, и не два. Но покамест не иссякло дыхание твое на земле этой, вновь и вновь начинать надо прокапывать чистое русло Слова твоего. Как начинать? С простого самого, с одних только слов — свет, добро, любовь. Часто-часто их про себя повторяй, и начнут они вплетаться в речь твою. Так вот потом

будет, заметишь: не собирался вроде доброе человеку сказать, а оно возьми да и выскочи само. Назрело. Более и более созревать будет, как по пути этому пойдешь. А уж от словес добрых и жизнь вокруг тебя добреть начнет. Но не только ты говоришь с миром, и он с тобою все время гуторит. Что ты слышишь в нем? Тот же суд для себя или ласку? От тебя зависит, от того, как настроишь ты слух свой. Всякое слово, к тебе подходящее, добро в себе несет. Услышала злое — прости и покайся за то, что соблазнила ближнего злое тебе сказать. Услышала доброе — поблагодари. Услышала так себе, не злое, не доброе, а то, что всегда слышать привыкла — подумай, вникни в слова, в значение их глубинное, и мало-помалу откроется тебе свет. Обычное слово — крест наш. Но и Спаситель, не взойдя на крест, не снискал бы себе Славы Божией. Так и человек, восходя день за днем на крест словес обычных, снискает себе Слово Животворящее.

[цитата]

Многомилостивый и прецедрый Господи, рекший: просите и примите. Надеясь тому словеси, понудихся аз проглаголати молитвы сии. Аще же которую молитву без внимания прочитал и рассеялся в помыслах — прости мя, раба Твоего, по милости Твоей и даруй ми добродетели: смирение, любовь, кротость и рассудительность, да присно хвалю Тя до последнего издыхания моего, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[конец цитаты]

[1]Использование цвета в пространстве дома

[2]Цвета, направления, стихии, и их влияние

Цвет	горона света	Сторона	Символ	Состояние	Орган тела	Действие	Использование в зонах жилища
Красный	Г	Юг	Крест	Жизнь, энергия, активность, борьба, воля	Кровь, половые органы	Активизирует любую деятельность, возбуждает, привлекает внимание	Гостиная, кухня. Красные детали в небольшом количестве можно использовать в рабочем пространстве
Оранжевый	Г	Юг	Коричневик	Движение, скорость, ритмичность, общение	Органы пищеварения и выделения	Тонизирует, очищает от сознания, проясняет мысли, способствует принятию и прощению	Гостиная, кухня, детская.
Желтый	Г, Юго-запад, Запад	Юг	Коловрат, монета	Свобода, смех, праздник, достаток	Солнечное сплетение	Прогоняет дурные мысли, повышает познавательный интерес, развивает способность воспринимать новое, стимулирует творческий процесс	Гостиная, кухня, детская, кабинет
Коричне-вый	Юго-запад	Земля	Зеро-сеянное поле	Уверенность, надежность, преданность	Кишечник, половые органы	Дарует твердость, спокойствие, настойчивость и усердие, а также увеличивает сексуальный потенциал	Гостиная, кухня, коричневые детали могут быть использованы в спальне
Зеленый	Юго-восток	Дерево	Древесная жизнь	Равновесие, доброта, сочувствие, понимание, перемены	Сердце	Дает ощущение гармонии, роста, помогает измениться самому и изменить окружающую среду	Детская, гостиная, спальня, кабинет, кухня
Голубой	Северо-восток	Воздух	Птица	Честность, искренность, спокойствие, созерцательность, учеба	Горло, щитовидная железа	Способствует ясности мысли, размышлению и отвлечению от проблем. Помогает воспринимать новое	Детская, спальня, гостиная
Синий	Север	Вода	Хлебные небесные (Божья вода)	Мудрость, глубина, спокойствие	Гипофиз	Очищает мышление, растворяет тревоги и страхи, развивает интуицию	Спальня, гостиная, рабочий кабинет
Фиолето-вый	Север	Воздух + огонь	Молния	Мудрость, духовность, вдохновение	Правое полушарие мозга	Высвобождает творческую энергию, развивает нестандартное мышление	Рабочий кабинет, творческая мастерская, гостиная
Розовый	Северо-запад	Дерево + вода	Нецвет	Любовь, нежность, романтичность, детство	Надпочечники и почки	Дает чувство комфорта, сострадания, нежности, пробуждает чувственность	Спальня, детская
Белый	Юго-Север	Воздух	Птица	Свет, чистота, целомудрие, безмятежность	-----	Очищает пространство, делая его свежее, свободнее, чище.	Гостиная, спальня, кухня, кабинет, в небольших количествах можно использовать в детской комнате

Серый	евер, северо-запад	да + талл	Во ме	юч Кл	ьность, здравомыслие, реализм, интеллект	----- ----	Расслабляет, устраняет излишнюю эмоциональность,	Спальня
Черный	евер	мля	Зе	Не засеянное поле	Надеж ность, практичность, выносливость, глубокий сон, смерть	----- ----	Помогает сосредоточиться, успокоиться, утвердиться в намерениях.	Гостиная, спальня. Черный используется только в небольших количествах (детали отделки)

[2] Как пользоваться таблицами цвета

[3] Благоприятные сочетания:

Цвета Севера:

- Северо-запад
- Северо-восток
- Восток
- Запад

Цвета Востока:

- Северо-восток
- Юго-восток
- Юг

Цвета Юга:

- Восток
- Юго-восток
- Юго-запад
- Запад

Цвета Запада:

- Юг
- Юго-запад
- Северо-запад

[3] Направления

Инь

- Север

- Северо-восток
- Восток
- Северо-запад

Ян:

- Юг
- Запад
- Юго-запад
- Юго-восток

Направлениям Инь соответствуют холодные тона, направлениям Ян – теплые.

Холодные тона цветов, принадлежащим направлениям Ян, могут использоваться в зоне Инь.

Пример: красный цвет соответствует Югу (Ян), однако его холодные оттенки – свекольный, гранатовый, пурпурный, - могут быть использованы в зонах Севера, Северо-востока, Северо-запада и Востока.

[3]Цветовые схемы:

1. Односложные – в интерьере используются цвета только той стороны света, которая соответствует географическому направлению либо практическому назначению жилой зоны. Это классическая цветовая схема, идеальная для людей, ценящих традиции и не приветствующих смелые, активные сочетания в отделке жилища.

2. Двусложные – в интерьере используются цвета основного направления жилой зоны и цвета смежных направлений. С помощью двусложной схемы можно легко создать гармоничную и комфортную атмосферу.

3. Многосложные – в интерьере, помимо основного и смежных направлений, используются цвета противоположных направлений родственных тонов (например, в спальне могут использоваться холодные тона красного цвета). Эта цветовая схема создает ощущение полифонии пространства, помогает ощутить движение, глубину, ритм.

[2]Таблица символов

Символ	Стихия	Направление света	Значение
Косой крест	Огонь	Юг	Очищающий и защитный знак, символизирует отмирание старого и рождение нового
Коник	Огонь	Юг	Конь-солнце, привносит энергию солнца, защищает, оплодотворяет, активизирует творческую энергию
Коловрат	Огонь	Юг, Юго-запад	Несет свет, благо и справедливость, дает силы и заряжает положительной энергией
Монета	Металл	Запад	Знак праведного богатства, дарует благосостояние
Засеянное поле	Земля	Центр, Юго-запад	Знак оплодотворенной земли, улучшает сексуальную функцию, дарует здоровье
Древо жизни	Дерево	Восток	Знак роста, начала, дорог, изобилия
Птица	Воздух	Северо-восток	Развивает интеллект, помогает обучению, укрепляет дух
Хляби небесные	Вода	Север	Символ изобилия. Дарует жизненную силу, оплодотворяет и

Огнецвет	вода	Дерево +	Северо-запад	Символ цветения, красоты и чувственности
Молния (перунов знак)	вода	Огонь +	Север	Символ творческих озарений, сексуального наслаждения, вдохновения
Ключ		Металл	Запад	Символ бережливости, накопления и сохранения
Незасянное поле		Земля	Центр, Север	Знак благоприятного начала, «подготовленной почвы»

[2]Святцы хворобные Оксиньи Калитвиной

[2]Избранные молитвы на всякую хворь

[3]Ко Господу нашему Творцу Вседержителю

О, Всесильный и Всемогущий Врачу душ и телес наших - Господи Иисусе Христе! Услыши ныне слезныя моления всех раб Твоих, в недугах тяжких пребывающих и на Тебе Единого надежду на исцеление свое возлагающих. Вемы бо, Господи, тамо идеже не возможет рука человеческая исцеление и ослабу нам подати, Ты возможешь е совершити, ибо несть ничто возможно Тебе. Во власти Твоей, сотворившаго души и телеса наша, и спасение наше. Тем же молим Тя, Всемилостиве, аще есть воля Твоя святая, исцели коегождо от душевнаго и телеснаго недуга его и, коими веси судьбами, восстави пораженное болезнию естество наше. Наипаче же просим Тя, прости нам вся согрешения наша, да очистившись покаянием, возможем чистыми душами воспевати Тебя со Твоим Небесным Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

[3]Молитва к Пресвятой Богородице перед Ея иконой, именуемой «Целительница»

Приими, о Всеблагословенная и Всемощная Госпоже Владычице Богородице Дево, сия молитвы, со слезами Тебе приносимыя от нас, недостойных раб Твоих, ко Твоему цельбоносному образу пение возсылающих со умилением, яко Тебе Самой zde сушей и внемлющей молению нашему. По коемуждо бо прошению исполнение твориши, скорби облегчаеши, немощным здравие даруеши, разслабленныя и недужныя исцеляеши, от бесных бесы прогоняеши, обидимыя от бед избавлявши, прокаженныя очищаеши и малыя дети милуеши: еще же, Госпоже Владычице Богородице, от уз и темниц свобождаеши и всякия многоразличныя страсти врачуеши: вся бо суть возможна ходатайством Твоим к Сыну Твоему, Христу Богу нашему. О Всепетая Мати, Пресвятая Богородице! Не престай молитися о нас, недостойных рабех Твоих, славящих Тя и почитающих Тя, и поклоняющихся со умилением Пречистому образу Твоему, и надежду имущих невозвратну и веру несумненну к Тебе, Приснодеве Преславней и Непорочней, ныне и присно и во веки веков Аминь.

[3]Святому Великомученику и целителю Пантелеимону

Святый великомучениче, целителю и чудотворче Пантелеимоне, всеизрядный угодниче Божий и молитвенниче присный христиан православных! Достоиню наречен еси Пантелеимоном, еже есть всемилостивый, яко приняв от Бога благодать молитися за ны и болезни целити, ты богатно подаеши всем, к тебе притекающим, различная исцеления и вся к жизни временней и ко спасению потребная. Сего ради и мы, недостойнии, сподобившися твоя милости, паки пред святою твоею иконою прибегаем к тебе, и

прославляюще тя, яко искреняго угодника Божия, нашего же вернаго молитвенника и исцелителя, усердне благодарим тя и Подателя всех благ Господа Бога нашего о великих благодеяниях, от Него тобою нам бывших. Приими убо милостивно малое сие молитвенное благодарение наше, зане не имамы ино что по достоянию воздати тебе, и прочее время живота нашего не лиши нас, немощных и грешных, твоя помощи и молитвеннаго ходатайства у Господа Бога нашего, Емуже подобает всякая слава, благодарение и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[3]Пресвятой Богородице и Приснодеве Марии пред ея иконою, именуемой «Казанская»

О, Пресвятая Владычице Богородице, Царице Небеси и земли, вышшая ангел и архангел и всея твари честнейшая, чистая Дево Марие, миру благая Помощнице, и всем людем утверждение, и во всяких нуждах избавление! Призри и ныне, Госпоже Всемилостивая, на рабы Твоя, Тебе умиленною душою и сокрушенным сердцем молящихся, со слезами к Тебе припадающих и покланяющихся пречистому и цельбоносному образу Твоему, и помощи и заступления Твоего просящих. О, Всемилостивая и Премилосердая Дево Богородице Чистая! Воззри, Госпоже, на люди Твоя: мы бо грешнии не имамы иныя помощи, разве Тебе и от Тебе рождшагося Христа Бога нашего. Ты еси заступница и предстательница наша. Ты еси обидимых защищение, скорбящим радование, сирым прибежище, вдовам хранительница, девам слава, плачущим веселие, больным посещение, немощным исцеление, грешным спасение. Сего ради, о Богомати, к Тебе прибегаем, и на Твой Пречистый образ с Предвечным на руку Твоею держимым Младенцем, Господем нашим Иисусом Христом взирающе, умиленное пение Тебе приносим и вопием: помилуй нас, Мати Божия, и прошение наше исполни, вся бо суть возможна ходатайству Твоему, яко Тебе слава подобает ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[3]Пресвятой Богородице и Приснодеве Марии пред ея иконою, именуемой "Всех скорбящих радости»

Надежде ненадежных, сило беспомощных, пристанище обуреваемых, покрове напастуемых, заступление обидимых, хлебманно, услаждающая алчущих, нектаре небеснаго упокоения жаждущих, Мати Преблагословеннаго Бога, Преблагословенная и Пренепорочная Дево! К Тебе единой прибегаю, к Твоему покрову вседушно преклоняю колена, Владычице. Не презри плача и слез, утехо плачущих! Аще ужасает мя мое недостоинство и окаянство моих грехов, но уверяет мя цельбоносный сей образ, на немже благодать Твою и силу, яко неисчерпаемое море, вижу: слепых прозревших, скачущих хромым, странствующих аки под сению Твоего призрения, матерне упокоенных и по всему прошению благоизобильствующих; на оных помилования образ взирая, прибегах, слеп сый душевными очима и хром душевными чувствами. О, Свете Незаходимый! Просвети и исправи мя, веси всякую мою скорбь, веси всякую беду, не презри моления моего, о Ползгодательнице! Не возгнушайся мене грешнаго, не презри мене сквернаго; вем, яко вся можеш, елика волиши, о добрая надеждо моя, упование мое от сосцу матери моея. К Тебе привержен есмь от чрева матери моея, Тебе оставлен есмь, не остави мене, не отступи от мене, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[3]Святому преподобному Агапиту Печерскому, врачу безвозмездному

Преподобне отче Агапите! Возри на нас милостивно и к земли приверженных возведи к высоте небесней. Ты горе на небеси, мы на земли низу, удалены от тебе, не толико местом, елико грехми своими и беззаконии, но к тебе прибегаем и взываем: настави нас ходити путем твоим, вразуми и руководствуй. Вся твоя святая жизнь бысть зеркалом всякия добродетели. Не престани, угодниче Божий, о нас вопия ко Господу. Испроси предстательством своим у Всемилоstitаго Бога нашего мир Церкви Его, под знамением креста воинствующей, согласие в вере и единомудрие, суемудрия же и расколов истребление, утверждение во благих делах, больным исцеление, печальным утешение, обиженным заступление, бедствующим помощь. Не посрами нас, к тебе с верою притекающих. Все православнии христиане, твоими чудесы исполненнии и милостями облагодетельствованнии, исповедуют тя быти своего покровителя и заступника. Яви древния милости твоя, и ихже отцем всепомоществовал еси, не отрини и нас, чад их, стопами их к тебе шествующих. Предстояще всечестней иконе твоей, яко тебе живу сушу, припадаем и молимся: прими моления наша и вознеси их на жертвенник благоутробия Божия, да примем тобою благодать и благовременную в нуждах наших помощь. Укрепи наше малодушие и утверди нас в вере, да несомненно уповаем получитьи вся благая от благосердия Владыки молитвами твоими. О, превеликий угодниче Божий! Всем нам, с верою притекающим к тебе, помози предстательством твоим ко Господу, и всех нас управи в мире и покаянии скончати живот наш и преселитися со упованием в блаженныя недра Авраамова, идеже ты радостно во трудех и подвижах ныне почиваеши, прославляя со всеми святыми Бога, в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[3]Святому преподобному отцу Иоанну Дамаскину

Преподобне отче Иоанне! Возри на нас милостивно и к земли приверженных возведи к высоте небесней. Ты горе на небеси, мы на земли низу, удалены от тебе, не толико местом, елико грехми своими и беззаконии, но к тебе прибегаем и взываем: настави нас ходити путем твоим, вразуми и руководствуй. Вся твоя святая жизнь бысть зеркалом всякия добродетели. Не престани, угодниче Божий, о нас вопия ко Господу. Испроси предстательством своим у Всемилоstitаго Бога нашего мир Церкви Его, под знамением креста воинствующей, согласие в вере и единомудрие, суемудрия же и расколов истребление, утверждение во благих делах, больным исцеление, печальным утешение, обиженным заступление, бедствующим помощь. Не посрами нас, к тебе с верою притекающих. Все православнии христиане, твоими чудесы исполненнии и милостями облагодетельствованнии, исповедуют тя быти своего покровителя и заступника. Яви древния милости твоя, и ихже отцем всепомоществовал еси, не отрини и нас, чад их, стопами их к тебе шествующих. Предстояще всечестней иконе твоей, яко тебе живу сушу, припадаем и молимся: прими моления наша и вознеси их на жертвенник благоутробия Божия, да примем тобою благодать и благовременную в нуждах наших помощь. Укрепи наше малодушие и утверди нас в вере, да несомненно уповаем получитьи вся благая от благосердия Владыки молитвами твоими. О, превеликий угодниче Божий! Всем нам, с верою притекающим к тебе, помози предстательством твоим ко Господу, и всех нас управи в мире и покаянии скончати живот наш и преселитися со упованием в блаженныя недра Авраамова, идеже ты радостно во трудех и подвижах ныне почиваеши, прославляя со всеми святыми Бога, в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[3] Молитва святому преподобному отцу Давиду Гариджийскому

О, всесветле, богохвальне авва Давиде, святче Божий! Ты силою благаго законоположения явился еси нам, конями лукавого связанных и обуреваемых, яко наставник в покаянии и помощник в молитве. Того ради дано тебе множество даров благодати и чудотворения, разрешения грех наших и прегрешений оставление, болезней исцеление и диавольских наветов отгнание. Темже твоею отеческою милостию в богоцарственном разумении, многотрудными молитвами и моленьми твоими, наипаче же непрестанным твоим заступлением о нас, да восставит Господь Бог ны, во грех впадших, силою Своею непобедимою на всякого видимого и невидимого врага, дабы благодаряще совершая святую память твою, желанием возжелали мы поклониться Превечному Богу в Троице Единому, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[3] Молитва женская преподобному отцу Роману, читаемая в неплодстве

О священная главо, преподобне отче, преблаженне авво Романе, не забуди убогих твоих до конца, но поминай нас всегда во святых и благоприятных молитвах к Богу: помяни стадо твое, еже сам упасл еси, и не забуди посещати чад твоих моли за ны, отче священный, за дети твоя духовныя, яко имеяй дерзновение к Небесному Царю: не премолчи за ны ко Господу, и не презри нас, верою и любовию чтущих тя: поминай нас недостойных у Престола Вседержителя, и не престай моляся о нас ко Христу Богу, ибо дана тебе бысть благодать за ны молитися. Не мним бо тя суща мертв: аще бо телом и преставился еси от нас, но и по смерти жив сый пребываеши, не отступай от нас духом, сохраняя нас от стрел вражиих и всякия прелести бесовския и козней диавольских, пастырю наш добрый аще бо и мощей твоих рака пред очима нашими видима есть всегда, но святая твоя душа со ангельскими воинствы, со безплотными лики, с небесными силами, у престола Вседержителя предстоящи, достойно веселится, ведуще убо тя воистину и по смерти жива суща, тебе припадаем и тебе молимся: молися о нас Всесильному Богу, о пользе душ наших, и испроси нам время на покаяние, да невозбранно прейдем от земли на небо, от мытарств же горьких, бесов воздушных князей и от вечныя муки да избавимся, и Небеснаго Царствия наследницы да будем со всеми праведными, от века угодившими Господу нашему Иисусу Христу: Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцем, и с Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[3] Молитва Софии, Премудрости Божией

Непостижимая и Всепетая Премудросте Божия, Софии Преименитая, девственных душе, сиречь Единородный Сыне, Слове Божий, прими молебное сие пение от недостойных и скверных уст наших. Аще и писана суть: не красна песнь во устех грешнических, обаче же разбойник едином словом спасеся, мытарь воздыханием оправдася и хананеина дщерь матерним прошением исцелися, понеже Ты, Господи, Благ и Человеколюбив, грядущаго в мир просвещаеши, и грехи грешником отпускаеши, и разумом неразумных наполняеши, и буяного умудряеши, и жаждущия благих словес души учением Твоим, яко самаряныню водою живою, напаяеши, блудника целомудренна устройши, разбойнику рай отверзавши, зане Ты еси всех благих Податель, и Вразумитель, и животу Хранитель, Христе Боже наш, и Тебе славу и хвалу, честь и благодарение и славословление возсылаем и поклонение творим со Безначальным Твоим Отцем, и со

Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, и со Пресвятою и Пренепорочною Твоею Материю, Владычицею нашею Богородицею и Приснодевою Мариєю, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

[3]Пресвятой Богородице и Приснодеве Марии пред ея иконою, именуемой «Прибавление ума»

Богородице Пречистая, Доче, егоже созда Себе Премудрость Божия, даров духовных Подательнице, от мира к премирным ум наш возводящая и всех к познанию разума приводящая! Приими молебное пение от нас, недостойных раб Твоих, с верою и умилением поклоняющихся пред пречистым образом Твоим. Умоли Сына Твоего и Бога нашего, да дарует властем нашим мудрость и силу, судиям правду и нелицеприятие, пастырем мудрость духовную, ревность и бдение о душах наших, наставником смиренномудрие, чадам послушание, всем же нам дух разума и благочестия, дух смирения и кротости, дух чистоты и правды. И ныне, Всепетая, Вселюбимая наша Мати, подай нам ума прибавление, умири, соедини во вражде и разделении сущия и положи им союз любви неразрешимый, всех заблуждших от неразумия к свету истины Христовы обрати, страху Божию, воздержанию и трудолюбию настави, слово премудрости и душеполезное знание просящим даруй, осени нас вечною радостью, Херувимов светлейши и Серафимов честнейши сущая. Мы же, славная дела и многоразумную премудрость Божию в мире и жизни нашей видяще, устранимся земныя суеты и излишних житейских попечений, и ум, сердце наше на Небеса возведем, яко да Твоим заступлением и помощью славу, хвалу, благодарение и поклонение за вся в Троице славимому Богу и всех Создателю возсылаем, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Премудроте Наставнице и смысла Подательнице, немудрых Вразумительнице и нищих Заступительнице, Мати Христа Бога нашего, утверди, вразуми сердце мое, Владычице, и разума прибави ко Христу моляще усердно. Ты даждь ми слово рождающая Отчее Слово, имаши бо дерзновение просити Сына Твоего о нас. Аминь.

[3]Молитва к Пресвятой Богородице перед Ея иконою, именуемой «Неупиваемая чаша»

О, Премилосердая Владычице! К Твоему заступлению ныне прибегаем, молений наших не презри, но милостивно услыши нас: жен, детей, матерей и тяжким недугом пианства одержимых, и того ради от матери своея - Церкви Христовой и спасения отпадающих, братьев и сестер и сродник наших исцели. О, Милостивая Мати Божия, коснися сердец их и скоро возстави от падений греховных, ко спасительному воздержанию приведи их. Умоли Сына Своего, Христа Бога нашего, да простит нам согрешения наша и не отвратит милости Своея от людей Своих, но да укрепит нас в трезвении и целомудрии. Приими, Пресвятая Богородице, молитвы матерей, о чадах своих слезы проливающих, жен, о мужех своих рыдающих, чад, сирых и убогих, заблуждшими оставленных, и всех нас, к иконе Твоей припадающих. И да приидет сей вопль наш, молитвами Твоими, ко Престолу Всевышняго. Покрый и соблюди нас от лукаваго ловления и всех козней вражиих, в страшный же час исхода нашего помози пройти непреткновенно воздушныя мытарства, молитвами Твоими избави нас вечнаго осуждения, да покроет нас милость Божия в нескончаемые веки веков. Аминь.

Царице наша Препоблагая, надеждо наша, Пресвятая Богородице, приятелеше сирых и странных Заступнице, бедствующих помощи и озлобленных покрове. Зрише нашу беду, зрише нашу скорбь: отвсюду

искушениями одержимы есмы, а заступающего несть. Ты убо Сама помози нам, яко немощны, окорми, яко странны, настави нас, яко заблудших, уврачуй и спаси нас, яко безнадежных. Не имамы инья помощи, ни инаго предстательства, ни утешения, токмо Тебе, о Мати всех скорбных и обремененных. Призри на нас, грешных и во озлоблении сущих, покрый нас Честным Твоим Омофором. Да избавлени будем от зол, обышедших нас, наипаче же пьянства. Да восхвалим всегда Пресвятое имя Твое. Аминь.